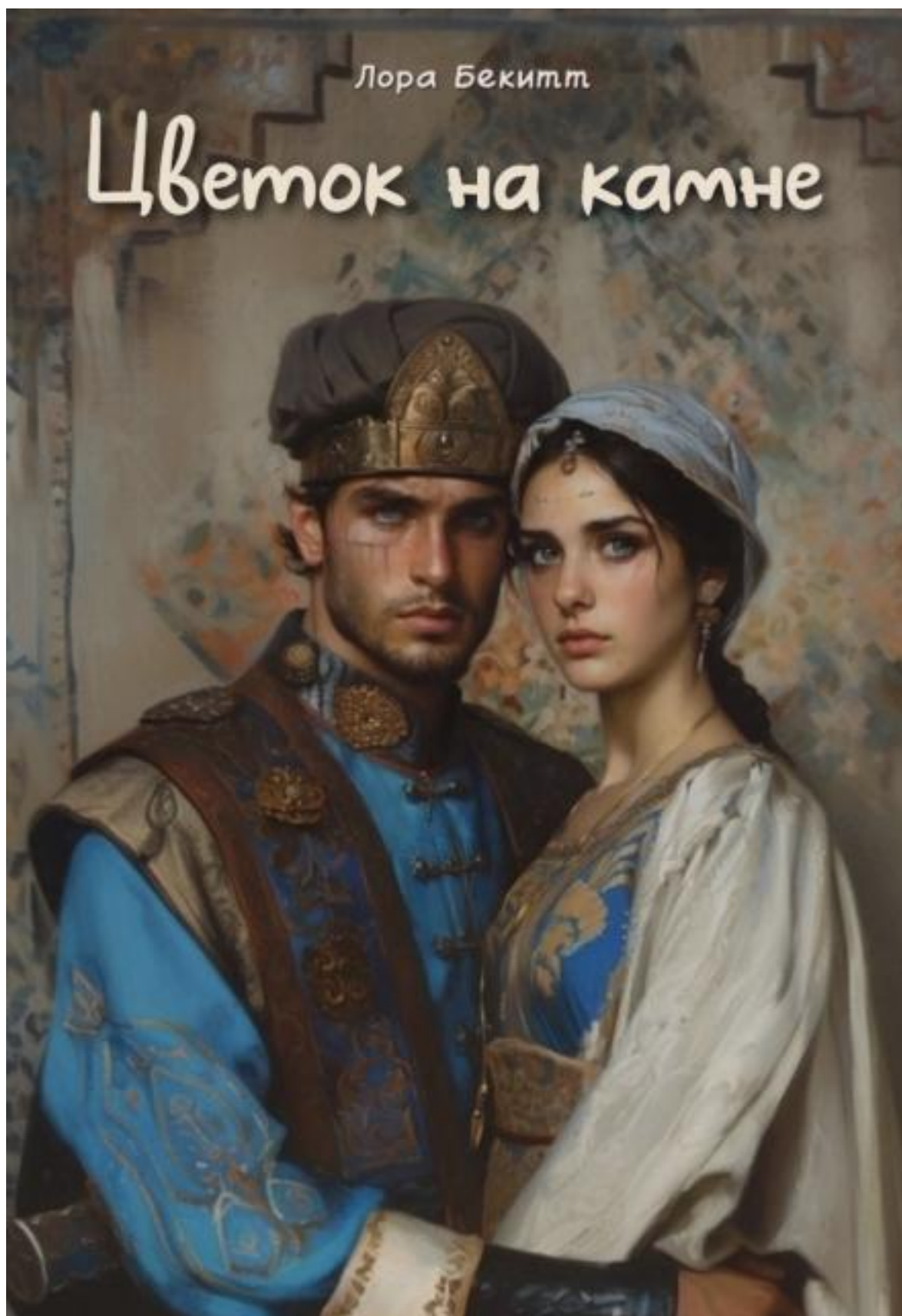

Лора Бекитт

Цветок на камне

Лора Бекитт

Цветок на камне

«Литнет»

2024

Бекитт Л.

Цветок на камне / Л. Бекитт — «Литнет», 2024

Жительницу персидского города Исфахана, юную армянку Асмик постигло глубокое горе. Ее отец и братья погибли, мать замкнулась в себе, и девушка осталась один на один с суровым, безжалостным миром. Спасаясь от гонений, они с матерью вынуждены бежать в маленькую горную деревеньку Луйс, где в Асмик влюбляется армянский юноша Вардан. Но в глубине души девушки затаилась благодарность и нежность к молодому арабу, врагу ее народа, который спас ее от бесчестья. Асмик уверена, что никогда больше не встретит Камрана, но пути судьбы неисповедимы, и цветок любви может распуститься даже на голом камне.

© Бекитт Л., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	29
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

Асмик навсегда запомнила день, когда в последний раз видела своего отца и братьев живыми.

Девушка родилась в армянском квартале персидского города Исфахан, расположенного в плодородной долине реки Зайенде-Руд. Город окружала высоченная зубчатая стена с двенадцатью железными воротами, а на его центральной площади могла разместиться целая деревня. Исфахан был наводнен искусными ремесленниками и приезжими купцами, потому на рынках не было недостатка ни в заморских тканях, ни в диковинных украшениях.

Единственная дочь и младший ребенок в зажиточной, знатной семье, Асмик с детства была окружена нежной любовью и ни в чем не знала отказа. Шестеро братьев души не чаяли в девушке, так же и как отец, благородный Тигран Агбальян, и мать, гордая красавица Сусанна, на которую Асмик всегда хотела быть похожей.

Отношения матери и отца напоминали некую возвышенную игру; родители были преданы друг другу настолько, насколько один человек может быть предан другому: девушке казалось, что мир не знал более сильной и прекрасной любви.

В тот роковой день Асмик проснулась раньше обычного; надев платье, девушка вышла на каменный балкон.

В предрассветных сумерках раскинулся огромный город. В воздухе разливался тонкий аромат цветущих абрикосовых деревьев. В небе сияли созвездия, похожие на созревшие гроздья винограда. На горизонте виднелись призрачные, бледные, напоминающие сновидение очертания гор. Глядя на них, Асмик погрузилась в мечты.

Вот уже много раз она встречала на улицах Исфахана незнакомца, который сперва только смотрел на нее, потом стал коротко кивать, а однажды позволил себе улыбнуться. Он был молод, красив, хорошо одет; завидев его, Асмик была готова бежать прочь, и вместе с тем ее будто околдовывали какие-то чары. Как правило, она выходила за покупками в одно и то же время, и юноша поджидал ее на повороте дороги, ведущей к рынку.

Вскоре девушка и незнакомец вступили в безмолвный разговор, заключавшийся в тайном обмене взглядами. Иногда Асмик сопровождала мать, чаще — служанка, а порой и та и другая; Асмик научилась отвлекать их в тот миг, когда ее глаза посылали молодому человеку робкий, стыдливый, нежный привет. На это уходило несколько секунд, а все остальное время она мечтала о том, что наступит новый день и маленькая запретная игра повторится снова.

Пожалуй, в этом не заключалось ничего предосудительного, если б не одно обстоятельство: юноша был иноверцем, арабом, проявлять интерес к которому было не только нелепо, но даже преступно. На протяжении двух недель Асмик удивлялась и радовалась тому, что мать не замечает ее тайного увлечения.

Как всякая девушка, Асмик грезилась о бессмертной любви, о счастливом браке, похожем на брак ее родителей, о богатом прекрасными событиями будущем. В последние годы в их среде было много разговоров об арабском владычестве[1], о гонении на живущих в Персии христиан, но Асмик не придавала значения тревожным слухам.

Девушка стояла на балконе до тех пор, пока небо из темно-синего не сделалось серым, на улицах города не начали зажигаться огни, а птицы не завели свою звонкую песнь.

Тогда она спустилась вниз, в парадный зал, где застала отца, мать и всех своих братьев.

В очаге пылал яркий огонь. Ночные тени отступили, спрятавшись в щелях массивных каменных стен. Мужчина и юноши держали в руках оправленные в серебро кубки. Сусанна смотрела на мужа и сыновей со скрытым волнением. Асмик вошла в зал в тот момент, когда мать сказала:

— Стоит ли доверять арабским псам, чьи души черны, а сердца гнилы и презренны?

— Долг велит нам присутствовать на переговорах с наместником, — ответил Тигран. — Мы надеемся, что нам удастся добиться смягчения податей, разрешения свободно торговать, а главное — совершать службы в нашей церкви.

Когда он произнес эти слова, Асмик невольно залюбовалась отцом. Высокий и статный, он был красив горделивой, величественной, покоряющей сердца красотой. Жизненная сила была в нем через край, хотя временами ему была свойственна притягательная задумчивость, отрешенность.

Тигран не выносил малодушия и бездействия и вместе с тем полагал, что честность и храброе сердце помогут одержать верх над злом. Такими были и его сыновья, от младшего, Вазгена, до старшего, Авета.

— Минувшей ночью я видела дурной сон, — тревожно произнесла Сусанна.

— Это предрассудки, жена.

Женщина покачала головой.

— Не знаю. Моя мать говорила, что на крыльях снов прилетает истина.

Сусанна по очереди поцеловала и перекрестила мужа и сыновей и промолвила:

— Возвращайтесь скорее!

— Отец! — Видя, что Тигран и братья собираются уходить, Асмик бросилась навстречу. — Разве вы не хотите со мной проститься?

— Мы не хотели тебя будить, мой нежный белый цветок[2]! — с непривычным смущением произнес отец, раскрывая объятия. — Но я рад, что мы увиделись перед нашим отъездом.

Высокие, черноволосые, ясноглазые братья приветливо улыбались младшей сестре.

Сусанна и Асмик вышли на широкое крыльцо. В отличие от матери девушка провожала родных с легким сердцем. Ей всегда была мила мысль о дороге, ведь даже горы тянулись не столько вверх, сколько вдаль, туда, где простирается степь, текут светлые моря, где можно сесть на корабль и плыть все дальше и дальше!

И все-таки в тот день Асмик была рассеянна и грустна и не пошла на «свидание». Юноша напрасно прождал ее больше часа, а потом побрел обратно.

Идя по оживленным улицам Исфахана, он вспоминал о прекрасной незнакомке, чье лицо, в отличие от лиц дочерей Востока, оставалось открытым, чья улыбка ослепляла, как солнце. Думал о ее длинных ресницах, огромных глазах, украшенных жемчугом волосах, при взгляде на которые рождались мысли о ночном небе и ярких звездах. О вышитом золотом зеленом платье, платье цвета весны и надежды, цвета Корана.

А еще молодой араб размышлял о том, что между ним и армянской девушкой стоят такие преграды, которые не способны разрушить ни обстоятельства жизни, ни время.

[1] Персия находилась под властью Арабского халифата с VII в.

[2] Асмик — по-армянски «жасмин».

Глава первая

Прошло несколько дней, полных взволнованного ожидания и скрытой тревоги, а потом к ним приехал брат Сусанны, Григор Манавазян.

— Будет лучше, если ты сядешь, сестра, — тяжело вздохнув, сказал он, — я принес дурную весть.

Женщина осталась стоять, лишь прижала руки к груди, словно пытаясь унять бешеный стук сердца.

— Говори, — глухо произнесла Сусанна.

— Все случилось иначе, чем предполагали благородные люди нашей общины. Во время переговоров с наместником вспыхнула кровавая ссора. Твой муж, сыновья и другие мужчины были схвачены и убиты.

Сусанна пошатнулась и едва заметно помотала головой. В ее темных глазах полыхнуло пламя.

— Нет, не может быть!

— Это правда, — мрачно произнес Григор и добавил, слегка повысив голос: — Я предупреждал Тиграна, что из этих переговоров не выйдет ничего хорошего, но он меня не послушался.

Асмик бессильно прислонилась к дверному косяку, вцепилась в него онемевшими пальцами. Девушка боялась подойти к матери; она надеялась, что дядя скажет, что это ужасная шутка или жестокая ошибка.

Григор присел к столу, налил себе вина и залпом выпил.

— Наши дела плохи, Сусанна, — устало продолжил он. — Завтра я и другие знатные люди нашей общины, оставшиеся в живых, уезжаем в Византию. Надо сделать это сейчас, пока путь открыт. Собери вещи, золото, оставь при себе самых надежных слуг и жди, я заеду за тобой. Все должно быть готово к утру.

— Когда-то мои предки покинули свою страну, спасаясь от мусульманских завоевателей. Исфахан стал их пристанищем и второй родиной. Я не желаю превращаться в скиталицу, гонимую отовсюду, куда протянется их рука, — с неожиданным спокойствием и суровостью произнесла женщина.

— Забудь о гордости, сестра. Надо спасать свою жизнь и честь.

Сусанна вскинула голову, ее ноздри раздулись, а глаза засверкали.

— Что останется от нашей чести, если мы сбежим как последние трусы!

— Так или иначе, но нам не удастся ее сохранить. Не пройдет и двух дней, как сюда явятся арабы и велют тебе убираться на улицу!

— Я не покину город, в котором похоронены мои родители, — ее голос дрогнул, — где погибли самые дорогие для меня люди.

— Мертвые мертвы, Сусанна, а живые должны жить, — сказал Григор и повернулся к девушке, застывшей перед лицом ужаса, который нельзя было принять и от которого было невозможно укрыться. — Асмик, вразуми свою мать!

Когда он ушел, на Сусанну, наконец, обрушилась истина, и она закричала так страшно, как может кричать человек, внезапно очутившийся среди бушующего океана, в крошечной тьме, понимающий, что ему неоткуда ждать спасения. Она упала на стул, уронила голову на руки, содрогаясь в мучительных хриплых рыданиях.

Сбежались слуги, но женщина не позволила им приблизиться. Потом она затихла и просидела, не двигаясь, до самого утра. Несчастная, испуганная, плачущая Асмик пыталась заговорить с ней, но тщетно. Единственное, что могла сделать дочь, — это сидеть рядом, глядя в бледное, застывшее лицо матери.

Прежде девушка нередко любовалась материнским лицом, будто нарисованным кистью великого мастера и вместе с тем удивительно живым: с большими блестящими глазами, безупречно четкой линией носа и губ, длинными ресницами и тонкими бровями. Игра света и тени неизменно подчеркивала его изумительную красоту.

Теперь это ярко освещенное пламенем очага лицо казалось мертвым.

Утром Григор заехал к сестре, но Сусанна наотрез отказалась покинуть Исфахан и свой дом. Асмик слышала, как дядя назвал ее мать сумасшедшей гордячкой, как он говорил, что и Сусанне, и ее дочери, если они останутся в Персии, грозят немыслимые беды.

— Отпусти с нами хотя бы Асмик! — в отчаянии произнес он.

— Моя дочь останется со мной.

Улучив момент, Григор отвел племянницу в сторону и сказал:

— Твоя мать совершает большую ошибку. То, что произошло, чудовищно, но надо найти в себе силы двигаться дальше. Мир велик, Асмик, и он ждет тебя.

Девушка замотала головой.

— Мне не нужен этот мир, мне только надо, чтобы мама стала прежней, чтобы прошлое вернулось.

— Оно никогда не вернется.

— Значит, мы обречены?

— Нет. Если сами не загоним себя в ловушку. Сусанна слишком горда и упряма. Постарайся ее уговорить. Быть может, вы сумеете нас догнать. Пойми, — взмолился мужчина, — я не могу остаться с вами, у меня семья! Вместе с тем мне жутко осознавать, что я бросаю вас на погибель.

— Хорошо, дядя, я постараюсь уговорить маму, — ответила Асмик, хотя знала, что это невозможно.

Прошло несколько дней, и зловещее предсказание Григора сбылось: на рассвете в дом Тиграна Агбалияна явились вооруженные арабские воины. Они велели его вдове убираться на все четыре стороны вместе с дочерью и слугами, заявив, что ее покойный муж объявлен преступником, его имущество подлежит передаче в казну, а в доме будет жить начальник личной гвардии наместника.

Они выгнали женщин на улицу, не позволив им взять с собой ничего, и те стояли возле дома, не зная, что им делать и куда идти. Горячий ветер трепал их одежду, а небо, равно как и горы, казалось, видные с любой точки земли, равнодушно взирали на их несчастье.

Асмик казалось, будто она видит страшный сон. Краска то сбегала с ее лица, то вновь прилиwała к щекам. Отбросив привычную невозмутимость, мусульманские воины пожирали девушку глазами, а она отвечала испуганным, но непреклонным взглядом. Рядом с Асмик ни жива ни мертва стояла Хуриг, единственная оставшаяся с ними служанка, некогда бывшая кормилицей и няней супруги Тиграна Агбалияна.

Глаза Сусанны сузились от гнева; усмехнувшись холодной, дразнящей усмешкой, она произнесла несколько презрительных фраз.

— Осторожнее, женщина! — бросил один из арабов, который понимал язык завоеванной ими страны. — Будь благодарна за то, что тебе сохранили жизнь!

Она хотела ответить, но не успела — рядом с ними остановился молодой всадник с саблей на боку. Бросив на женщин стремительный, как молния, взгляд, он заговорил с человеком, возглавлявшим отряд, а потом произнес на фарси, который знали Асмик и Сусанна:

— Позвольте им забрать одежду и личные вещи. Полагаю, они не понадобятся Халиду ибн Кудру, который собирается здесь поселиться!

После некоторых колебаний воины разрешили женщинам войти в дом. Старая служанка взяла кое-какую хозяйственную утварь, девушка бросилась собирать украшения и наряды, а ее мать забрала мешочек с золотом. Он хранился в тайнике, и арабы его не нашли.

Тоскливый взгляд Сусанны скользнул по великолепным красно-черным настенным коврам, на которых было развешено драгоценное оружие, по ярко начищенной серебряной и медной посуде. Эти вещи не имели цены, ибо хранили память о тех, кто никогда не вернется обратно.

Разумеется, Асмик узнала человека, благодаря которому у них с матерью сохранилось немного золота и милые сердцу вещицы — осколок привычного мира. Это был тот самый юноша-араб, с которым она обменивалась, казалось бы, невинными, а на самом деле полными обещания взглядами. Девушке не приходило в голову испытывать благодарность к этому человеку. Он принадлежал к племени завоевателей — после того, что произошло с их семьей, это решало все.

Молодой воин попытался заговорить с женщинами, но Сусанна резко и холодно оборвала его, и он не решился их преследовать. Юноша был поражен тем, как сильно изменилась девушка. Если прежде он видел в ее глазах таинственный, незримый для прочих смертных свет, то теперь ему чудилось, будто ее взор навсегда заволокли растерянность и скорбь.

В тот же день Сусанна, ее дочь и Хуриг покинули Исфахан. Все ближайшие родственники уехали, и женщине не пришлось в голову обращаться за помощью к чужим людям.

Асмик не понимала, как можно пуститься в путь куда глаза глядят, с одержимостью человека, который сжег позади себя все мосты. Мысли о будущем лишали ее воли, захлестывали волной страха, но она не решалась спорить с матерью. Хуриг тоже молчала, лишь тихонько вздыхала и прижимала к груди узелок со скудными пожитками.

Девушка надеялась, что Сусанна выберет одну из оживленных торговых дорог, но та направилась в горы. Они мало шли пешком, чаще ехали то на одной, то на другой неповоротливой и скрипучей крестьянской повозке, хозяева которой всякий раз задавали себе вопрос: куда направляются эти изнеженные городские женщины?

Лишенные растительности спины хребтов граничили с пестрыми коврами лугов, яркое солнце окрашивало заснеженные вершины в золотой и нежно-розовый цвет.

Горному краю было свойственно глубокое молчание, порой казавшееся уютным, а временами — тревожным. Как-то раз после короткого летнего дождя Асмик увидела радугу, похожую на огромный венок, таинственный нимб или волшебный мост в другую жизнь, и робко спросила мать:

— Куда мы едем?

— Я надеюсь остановиться в каком-нибудь горном селении, где живут люди нашего народа и нашей веры.

Девушка вздрогнула. В селении? Неужели в одном из тех, что встречались по дороге? Большинство селений, застроенных покосившимися глиняными домами с плоскими кровлями, прилепились на склонах гор, точно ласточкины гнезда. Между хижин тянулись узкие, как щели, утопающие в пыли улочки. В арыках журчала мутная вода. Лошадей не было; единственными животными, на которых ездили верхом и перевозили кладь, были ослы.

Однажды, когда они покупали у крестьян лепешки, один из них, сгорбленный древний старик-перс, прямо спросил женщин, что они ищут. В этот миг мать Асмик, сложив ладони ковшиком, пила воду из ледяного источника, берущего начало где-то далеко в горах.

— Уединение, — повернув голову, неожиданно призналась Сусанна. — И укрытие.

А потом рассказала, кто они такие и откуда едут.

Старик задумчиво пожевал губами и ответил:

— Неподалеку находится селение, в нем издавна живут армяне; у них есть своя церковь. В его окрестностях был заброшенный дом. Возможно, он уже разрушен, а может, и нет. Рядом есть вода. Там вас никто не потревожит.

— Как называется это селение? — спросила женщина.

— Луйс[1].

— Луйс? — задумчиво повторила Сусанна, пристально глядя на старика. И с неожиданной решимостью произнесла: — Покажите дорогу!

[1] Луйс — по-армянски «свет».

Глава вторая

Еще месяц назад Каринэ, мать Вардана, сказала сыну:

— Слышал ли ты, что недалеко от нашего селения в заброшенном доме поселилась знатная женщина с дочерью и служанкой? Говорят, они прибыли из самого Исфахана!

Сперва Вардан пропустил слова матери мимо ушей, но после задумался. Знатная женщина? Здесь, в этих краях?!

Юноша знал, о каком доме говорит Каринэ. Это была большая, но старая, частично разрушенная постройка. Никто не знал, кому она принадлежала, и даже старики не помнили тех, кто жил в ней прежде. В детстве вместе с другими мальчишками Вардан искал там клады, но после старался не приближаться к дому. У этого места была дурная слава; считалось, что в заброшенном жилье обитают злые духи и того, кто осмелится там поселиться, ждут невиданные несчастья. К тому же повзрослевшему Вардану было некогда разгуливать без дела: работа на земле отнимала много времени и сил.

Снедаемый любопытством, юноша стал бродить по окрестностям под благовидным предлогом — будто охотился там — и вскоре увидел незнакомую девушку.

В первый миг Вардана поразило не лицо, не фигура незнакомки, а ее одежда, какую его односельчанки не носили даже по праздникам: вышитое золотом красное платье с разрезами ниже бедер и с позолоченным поясом, шелковые чулки и остроносые туфельки без задников. Черные волосы девушки были заплетены не меньше чем в три десятка тонких шелковистых косичек, каждую из которых венчал сверкающий серебряный шарик.

Разглядев все это, Вардан обратил внимание на огромные карие, полные печали глаза, изящно очерченные губы и нежное личико девушки.

Вероятно, она просто гуляла, потому что в ее руках не было ни корзинки, ни кувшина. Кругом было потрясающе красиво: вулканические породы придавали почве розоватую и желтовато-коричневую окраску. Суровый воздух нагорья был пропитан ласковым светом. Легкие облака медленно плыли в высоком небе, не затняя солнца.

Боясь, что потеряет незнакомку из виду, Вардан вышел из своего укрытия, остановился перед девушкой и произнес:

— Кто ты такая?

Юноша старался говорить и держаться строго и твердо. Отец Вардана руководил сельской общиной и слыл одним из самых уважаемых людей Луйса. После его смерти сын взял хозяйство в свои руки, хотя на ту пору ему исполнилось всего пятнадцать лет. По местным меркам его усадьба считалась зажиточной; каждый год они с матерью нанимали не меньше пяти-шести работников.

— Меня зовут Асмик, — растерянно промолвила девушка. Юноша заметил страх в ее глазах, и ему стало стыдно. Он вовсе не хотел ее напугать.

Вардан задал себе вопрос, почему новоприбывшие не ходят в селение за водой, а потом вспомнил, что неподалеку от дома, в котором они поселились, протекает ручей. Наверное, они не хотят никого видеть, потому и выбрали столь заброшенное место! Он был неправ, когда решил нарушить их покой.

— Простите, — неловко произнес юноша. — Я просто хотел узнать, откуда вы приехали и почему поселились вдали от людей?

— Из Исфахана, — ответила девушка и тихо добавила, глядя себе под ноги: — В нашей семье произошло большое несчастье, и мама решила, что нам нужно удалиться в глушь, туда, где живут люди нашего народа и нашей веры и нет арабских завоевателей.

Хотя Вардану не понравилось слово «глушь», он был рад тому, что девушка согласилась поддержать разговор.

— Вам здесь не нравится? — спросил он, решив до времени молчать о злых духах, якобы живущих в заброшенном доме.

— Тут очень красиво. И тихо. Я никогда не бывала в таких местах, — сказала Асмик и пристально посмотрела на Вардана, отчего юношу мигом бросило в жар.

Какие глаза! Не глаза, а очи, полные бархата ночи и подспудного пламени, какое таится в тлеющих угольях!

Он хотел расспросить девушку об Исфахане, разузнать, какое несчастье заставило ее мать бежать с насиженного места и вправду ли она принадлежит к знатному роду, но не посмел. Вместо этого промолвил, желая ободрить Асмик:

— Арабов здесь нет. Они приезжают только за данью раз или два в год, да и тогда не ходят по дворам, а встречаются со старостой общины. Мы спокойно посещаем свою церковь. Думаю, вам ничего не грозит.

Девушка заметно повеселела. Вардану почудилось, будто она чего-то ждет, и он сказал:

— Позвольте проводить вас домой.

Асмик не стала возражать, и юноша втайне возликовал. Они молча шли по узкой тропинке, а вокруг дремали величественные, напоминающие застывших сказочных животных горные хребты.

Когда они почти подошли к дому, девушка остановилась и неловко промолвила:

— До свидания.

— До свидания, — сказал Вардан и смущенно добавил: — Я часто охочусь в этих местах. Быть может, мы еще встретимся?

— Может быть. — Ему показалось, что она смотрит с надеждой.

— Вы часто выходите на прогулку?

— Каждый день.

Юноша воспрянул духом.

— Тогда до встречи!

Удаляясь, он оглянулся и заметил, что девушка не спешит возвращаться домой, а задумчиво смотрит ему вслед. Вардану тут же почудилось, будто за его спиной вырастают крылья.

Асмик вошла в дом и вдохнула застоявшийся воздух. Она не сомневалась в том, что мать сидит в той же позе, в какой сидела вчера и позавчера, неподвижно уставившись на мертвый очаг.

После того что произошло два месяца назад, Сусанна Агбалян надела траур и, казалось, навсегда забыла о мягких постелях, дорогой мебели, роскошной одежде и вкусных блюдах, которые подавали слуги. Она довольствовалась лепешкой и чашкой воды, а зачастую вовсе забывала поесть. Случалось, она сидела неподвижно целый день и смотрела в одну точку. Ее жизнь опустела, как пустеют сады без ярких цветов и виноградники без спелых ягод. Она мечтала увидеть любимые лица, но те остались лишь в памяти — на невидимых постороннему взору картинах безмятежности и счастья.

— Почему ты так ярко одета? — спросила Сусанна у дочери.

«Потому что жизнь продолжается», — хотела ответить Асмик, но не осмелилась. Вместо этого сказала:

— Я одеваюсь так, как привыкла.

— Прежней жизни нет, потому надо забыть о былых привычках, — ровным голосом произнесла женщина. — Тигран, Авет, Баграм, Каджак, Зураб, Саро и Вазген умерли.

«Но я — жива!» — едва не вырвалось у Асмик, однако она сдержалась.

Она была молода, и ее душевные раны залечивались куда быстрее, чем раны Сусанны.

Асмик с тревогой думала о том, как они будут жить. Хуриг покупала продукты у местных жителей, но дом требовал значительного ремонта; когда наступит зима, а зимы в горах были суровее, чем в долине, им придется несладко. Разумеется, она не могла обсуждать это

с незнакомцем, и все-таки, встретив Вардана, Асмик испытала что-то близкое к облегчению. Если жители Луйса знают о них, возможно, они не бросят их на погибель! Ведь у них нет ни теплой одежды, ни одеял, ни ковров.

— У нас есть еда? — спросила Асмик у матери.

— Не знаю. Ты хочешь есть?

— Да.

— Спроси у Хуриг, — рассеянно произнесла Сусанна и углубилась в воспоминания. У нее был блуждающий, отрешенный, устремленный за пределы земного взгляд.

«Ты всегда видела перед собой свет. Была уверена в благополучии своей семьи, в ее будущем. Ты жила так много лет, и потому внезапная трагедия смогла лишить тебя всех твоих сил. Но ты могла бы попытаться жить дальше, мама, — хотя бы ради меня!», — подумала Асмик, и за пять прошедших минут то была третья мысль, которая осталась невысказанной.

Когда Вардан входил в ворота усадьбы, мимо, застенчиво поздоровавшись, прошмыгнула худенькая девушка. Он узнал ее и спросил у матери:

— Что ей нужно? Вчера она тоже была у нас.

— Вчера она спрашивала, как лучше хранить каурму[1], а сегодня просила дать ей приправы. Вообще-то она зря приходит сюда. И не только потому, что на самом деле они с Манушак никогда не заготавливают на зиму мясо! — Каринэ подбоченилась. — Не хватало, чтобы мой сын взял в жены батрачку!

Вардан рассмеялся.

— С какой стати мне жениться на Гаянэ? Я никогда об этом не думал.

— Зато она наверняка думала. Разве ты не понимаешь, что эта девушка приходит к нам ради тебя?

Вардан пожал плечами.

— Ты ошибаешься, мама.

— Я все вижу, — заметила Каринэ и с надеждой спросила: — Ты не намерен жениться? Пора привести в дом молодую хозяйку. Я желаю нянчить внуков!

— Нет! — резко ответил юноша, не дав матери углубиться в перечисление достоинств завидных невест Луйса.

Ему не нравилось, что она вмешивается в его жизнь и обсуждает такой важный вопрос, как женитьба, на пороге дома.

Отчасти Вардану было жаль девушку, о которой говорила Каринэ. Шестнадцать лет назад мать Гаянэ пришла в селение неизвестно откуда и родила ребенка, отца которого никто не знал. Она поселилась в доме одинокой и бедной женщины по имени Манушак и вскоре убежала, бросив дочь на ее попечение. Манушак воспитала девочку и теперь, когда женщина стала старой и немощной, Гаянэ преданно ухаживала за ней. У Манушак был крошечный огородик и такое же маленькое поле, урожай с которого не мог прокормить женщин, поэтому Гаянэ каждый год нанималась в батрачки. У нее не было никакого приданого, а стало быть, надежды когда-либо выйти замуж.

— Ты ходил на охоту? Почему ничего не принес? — спросила Каринэ.

— Сегодня мне не повезло, — ответил сын и улыбнулся своим мыслям.

Следующий день был воскресным, и утром Вардан отправился в церковь. Храм и прилегающая к нему площадь служили местом встречи односельчан. Как правило, ровесники Вардана приходили со своими отцами и во время их разговоров почтительно молчали, но Вардан, как единственный мужчина в семье и полновластный хозяин богатого двора, считал себя взрослым, держался независимо и гордо и, случалось, высказывал свое мнение по тому или иному вопросу.

Юноша шел в церковь и думал, как хорошо было бы, если бы Асмик увидела его в голубой шелковой рубаше с красивым орнаментом, синих шароварах, подпоясанных широким пестрым поясом, и черных сапогах из мягкой кожи!

Селение, купавшееся в море солнечного света, выглядело весьма живописно. Жилые и хозяйственные постройки располагались по склону горы тесными ярусами, так что крыши нижних нередко служили двором и улицей для верхних. То тут, то там виднелись высеченные в скале каменные ступени; вдоль оросительных каналов тянулись виноградники, огороды, сады. Деревянные балкончики немногочисленных двухэтажных домов были выкрашены в яркие цвета, радовали глаз искусной резьбой.

Зубцы утесов, разноцветные осыпи, громадные камни покрывали склоны гигантского хребта, справа и слева от которого тянулись душистые горные пастбища.

На площади перед церковью собрался народ. Вардан с достоинством раскланивался с односельчанами и отвечал на приветствия. Ему нравилась яркая праздничная толпа и нравилась церковь. Узкие, как бойницы, окна и толстые стены из тесаного камня делали сооружение похожим на неприступную крепость.

«Интересно, — подумал Вардан, — какой показалась бы бедная сельская церквушка девушке, которая родилась и выросла в большом и богатом городе?»

Он входил в церковь вместе с толпой народа, как вдруг почувствовал какое-то замешательство. Юноша видел, как люди удивленно расступаются, но не мог понять, чем это вызвано, до тех пор, пока не заметил прямую высокую фигуру, с головы до пят облаченную в черные одежды.

Вардан замер, пораженный, будто вырезанным из мрамора, удивительной красоты лицом, на котором выделялись большие, печальные, черные как ночь глаза. Рядом с женщиной шла испуганная и смущенная Асмик, а позади брела пожилая служанка. Девушка низко опустила голову, и Вардан мог разглядеть лишь обшитый бархатом и расшитый жемчугом головной ободок с тонкими серебряными пластинками-амулетами, поверх которого Асмик набросила полупрозрачную вуаль.

Женщина в черном не пыталась ни с кем заговорить, она смотрела прямо перед собой; словом, вела себя так, будто вокруг никого не было. Вместе с тем ее появление в воскресный день в церкви вместе с дочерью означало, что она желает сблизиться с жителями Луйса.

Во всяком случае, так решил Вардан; он думал об этом всю службу, потому весьма невнимательно слушал слова священника и молился рассеянно.

Юноша был поражен, когда после службы мать Асмик не присоединилась к другим женщинам, не пошла домой, а направилась к толпе мужчин.

Голоса смолкли. Мужчины напряженно ждали, что она скажет. На лице этой странной женщины отсутствовало какое бы то ни было выражение; его застывшие черты были прекрасны, но лишены тепла и жизни. Она держалась не высокомерно, но отстраненно, как будто явилась из иного мира.

— Я хочу обратиться к вам с просьбой. Не мог бы кто-то из вас починить дом, в котором мы поселились, и сделать мебель? Я заплачу за работу.

Голос женщины звучал спокойно и ровно, на ее лице не дрогнула ни одна черточка. Мужчины растерянно молчали. Вардан заметил, что кое-кто из них с любопытством разглядывает Асмик, которая ждала поодаль вместе со служанкой.

Внезапно юноша ощутил укол ревности. Он и сам не понял, какая сила вынесла его вперед и заставила выпалить:

— Я... я могу это сделать. Я умею изготавливать мебель. И я попробую починить ваш дом.

— Как тебя зовут? — спросила Сусанна.

Вардан ответил.

— Где твой отец?

На лице юноши появилась краска волнения и стыда. Вероятно, мать Асмик решила, что он слишком юн для того, чтобы самостоятельно принимать решения.

— Мой отец умер. Но он успел научить меня всему, что умел делать сам.

Женщина обвела взглядом толпу мужчин, которые продолжали молчать, и сказала:

— Хорошо, приходи. Ты знаешь, где мы живем?

— Да, знаю. Я приду завтра, — ответил Вардан и внезапно почувствовал, что во рту пересохло, как в знойный полдень, а голова кружится так, будто он выпил слишком много вина.

Мать Асмик чуть заметно кивнула, потом повернулась и медленно направилась к дочери. Она столь прямо держала спину и так высоко несла голову, словно на ней была царская корона.

«Нет, — подумал Вардан, — ни она, ни ее дочь никогда не смогут смотреть на меня как на равного».

Женщина что-то сказала Асмик, и та оглянулась. Юноша надеялся, что девушка догадается. Догадается, почему он решил заняться их домом, бросив собственное хозяйство.

Едва Вардан вернулся домой, как мать позвала его за стол. Каринэ приготовила голубцы из виноградных листьев, начиненные мясом и крупой, куриный суп с мукой, луком, яичными желтками, уксусом и зеленью.

В воскресный день мать и сын всегда обедали в парадной комнате, даже если в доме не было гостей. Юноша любил это помещение с очагом-камином, над которым был украшенный орнаментом свод и полки, где поблескивала ярко начищенная медная посуда. Вдоль боковых стен стояли деревянные тахты-кровати, покрытые темно-красными коврами с длинным ворсом, а в центре комнаты находился низкий столик, за которым ела семья. Мебель была сделана руками отца Вардана, а ковры соткала Каринэ.

Разумеется, мать была в курсе последних событий; стоило сыну сесть за стол, как она сказала:

— Зачем ты нанялся к этой женщине, будто простой работник?

— Им надо помочь.

— Ты делаешь это ради ее дочери? — К удивлению юноши, Каринэ обо всем догадалась. — Да она на тебя даже не посмотрит!

— Почему? — вспыхнул Вардан. — Пусть я не так знатен, как они, но мой дом выглядит куда богаче их дома!

Женщина сокрушенно покачала головой.

— А как же работы в саду, на винограднике и в поле?

Юноша склонился над тарелкой и не поднимал головы.

— Найдем пару-тройку лишних работников.

— Кто за ними присмотрит?

— Попросим дядю Манука.

— Он скажет, что ты потерял голову!

Вардан вскинул взор, и Каринэ увидела, как в темных глазах сына вспыхнул огонь упрямства, какой она часто видела, начиная с тех времен, как он решительно отстранил взрослых родственников от управления наследством, заявив: «Хозяйством я займусь сам». Он заставил считаться с собой не только мать и работников, но и брата своего покойного отца.

— Значит, ты присмотришь. Я быстро справлюсь.

Женщина не стала возражать. Она знала: если Вардан что-то задумал, с ним бесполезно спорить.

Асмик вернулась домой вместе с матерью и Хуриг, втайне торжествуя маленькую, но очень важную победу. Вчера ей все-таки удалось поговорить с Сусанной и высказать свои опасения относительно их будущего.

— Если мы не станем появляться в селении и посещать церковь, мама, жители Луйса решат, что мы не хотим с ними знаться, — сказала дочь и добавила: — А если с нами что-то случится, нам никто не поможет, мы останемся совсем одни!

К великой радости девушки, ее поддержала Хуриг.

— Что мы будем делать зимой, госпожа? Когда придут холода, дом будет насквозь продувать ветер! Или мы не собираемся зимовать в этом селении?

Сусанна равнодушно пожала плечами и ничего не сказала.

— Я помню, отец говорил: для каждого человека приходит время, когда он узнает, что такое горе, страх, одиночество и душевная мука. Всем нам суждены испытания, всякому живому существу рано или поздно приходится сражаться с судьбой, — осмелилась промолвить Асмик.

Мать долго смотрела в потухший очаг, потом ответила:

— Вероятно, Тигран не предполагал, что в этом сражении может победить смерть, как и я не представляла, что однажды умру и вместе с тем не перестану ходить по этой земле. Ты молода, Асмик, а юность всегда полна надежд. Твоя жизнь продолжается, тебя ждет будущее: замужество, дети, свой дом. Тогда как мне остались только воспоминания.

— Когда у меня появятся дети, у тебя будут внуки, — осторожно произнесла девушка. — Если Бог подарит мне сына, я назову его в честь своего отца. Мои братья погибли, но я осталась жива, а значит, есть надежда на то, что наш род не умрет.

Хотя взгляд матери был по-прежнему прикован к очагу, ее голос прозвучал немного звонче и теплее, чем прежде:

— Ты права. Я обязана тебя беречь. Я должна хотя бы сделать вид, что живу.

После того как они посетили церковь и договорились с Варданом о починке дома, Сусанна сказала:

— Не понимаю, почему мужчины молчали? Почему на мою просьбу откликнулся только этот мальчик?

Асмик, которая видела в Вардане вовсе не мальчика, а молодого мужчину, уклончиво ответила:

— Вероятно, они не привыкли к тому, чтобы женщины запросто заговаривали с ними. Мы для них чужие; они, скорее всего, растерялись.

— Я часто думаю, — Сусанна нервно сплела тонкие длинные пальцы, — могут ли здесь появиться эти презренные арабские псы?!

В голосе женщины звучала ненависть, но Асмик не испугалась, а скорее, обрадовалась. Ненависть — это чувство, а если человек что-то чувствует, он продолжает жить.

— Наверное, нет, — как можно беспечнее промолвила она. — Здешные люди кажутся спокойными и уверенными в себе.

— И все-таки нужно получше спрятать золото, которое у нас осталось, — заметила мать.

Они так и сделали, а потом долго стояли во дворе. Густой аромат нагретых солнцем трав пьянил и кружил голову. Вдали, за низкими холмами, виднелся покрытый осыпями склон, над которым клубились облака. Сквозь них проглядывали скалы и темные отвесные утесы, вонзавшиеся в высокое небо.

— Слуги эмира здесь не появятся. За нами никто не придет! Мы спасены! — прошептала Асмик и нежно обняла мать.

На самом деле девушка думала не о Сусанне, не о далеком будущем, а всего лишь о завтрашнем дне, дне, когда она увидит юношу Вардана, единственного человека, который желал ей помочь.

[1] Каурма — хорошо прожаренное мясо, которое хранили залитым толстым слоем курдючного сала в глиняных кувшинах, которые зарывали в землю.

Глава третья

Выходя из ворот, Вардан увидел Гаянэ, которая спешила по улице в сторону его усадьбы, и почувствовал раздражение и досаду. Зачем она сюда приходит? Что ей нужно? Юноша остановился и, когда девушка приблизилась, насмешливо произнес:

— Здравствуй, Гаянэ. Вижу, ты что-то забыла в моем доме и никак не можешь найти!

Девушка испуганно вздрогнула. Вардан заметил, что она смотрит с мольбой и надеждой, и ему стало неловко. Он видел, как бедно одета Гаянэ — куда ей до Асмик! — и что она далеко не так хороша собой, как девушка из Исфахана.

Молодой человек подумал о том, что каждая крестьянская девочка с пяти лет помогает матери по хозяйству, с десяти умеет прясть, а к пятнадцати годам должна научиться ткать. Едва ли Асмик была знакома с какой-либо домашней работой, разве что умела вышивать или плести кружево. Каринэ твердила сыну, что он должен взять в дом девушку, которая могла бы стать хорошей хозяйкой, но Вардан сомневался в том, что это главное.

— Ты пришла к Каринэ? — спросил он Гаянэ, которая не знала, что делать, и была готова провалиться сквозь землю, и тут же добавил: — Мать дома. Входи. — Он посторонился, освобождая путь.

По узким дорогам селения катились запряженные мулами неуклюжие арбы с массивными колесами, шагали маленькие ослики, нагруженные огромными вязанками хвороста. Вардан жалел о том, что почти не бывал в больших городах и мало что видел. Ему было десять или одиннадцать лет, когда они с отцом ездили в Исфахан, и юноша вспоминал это путешествие, как сон.

Сусанна встретила Вартана во дворе и провела в дом. Он сразу увидел, что предстоит много работы. Следовало заново обмазать глиной очаг в виде круглой ямы, выкопанной в земляном полу, заделать щели в стенах дома, в куда свободно проникал ветер. Ступеньки, ведущие на террасу, обрушились, двор был завален камнями. Вардан сказал, что справится, и мать Асмик равнодушно кивнула.

Когда настало время обеда, служанка дала Вардану плохо пропеченную лепешку и чашку воды. Юноша хмыкнул. Разве так питаются в богатых семьях?! Пожалуй, стоило угостить обитателей этого дома стряпней Каринэ: пшеничной кашей с куриным мясом, запеченной в глиняном горшке бараниной с овощами, сдобренным пряными травами сыром, румяными лепешками, жирным и сладким творогом!

Из дома вышла Асмик и остановилась на той же ступеньке, где сидел Вардан. Юноша, который давно ждал этого момента, так разволновался, что едва не подавился лепешкой. Можно ли ему заговорить с девушкой? А если их услышит ее мать?

Асмик первой начала разговор:

— Когда вы закончите работу, сразу пойдете домой?

Вардан хотел ответить утвердительно, но место этого осторожно произнес:

— Не знаю.

— Вы не очень спешите?

— У меня много времени, — соврал юноша и возликовал, когда Асмик промолвила:

— Я как раз собираюсь прогуляться.

Он резко вскочил.

— Можно мне пойти с вами? — И тут же с опаской посмотрел на дом. — Ваша мать не станет возражать?

Девушка прикусила губу.

— Ей необязательно об этом знать. Вы уйдете первым, а я вас догоню.

До конца дня у Вардана все валилось из рук, он не мог думать ни о чем, кроме встречи с Асмик. Юные жительницы Луйса не приглашали молодых людей на прогулки, хотя некоторые из них и предпринимали кое-какие шаги к сближению, как, например, это делала Гаянэ. Едва ли нравы богатых и знатных горожанок были свободнее, чем нравы крестьянок. Скорее, что-то в душе Асмик изменилось после случившегося несчастья, заставило по-иному взглянуть на прежние правила поведения и человеческие ценности.

Юноша стоял на вершине холма и поджидал девушку, с наслаждением вдыхая горный воздух. За холмом начинались летние луговые пастбища, покрытые низкой, но сочной травой, которая ярко блестела на солнце. В траве пестрели цветы клевера, колокольчики и ромашки. По большим каменным глыбам, окаймлявшим луг, то и дело пробегали юркие ящерицы.

Когда Вардан увидел Асмик, его сердце затрепетало. Она шла мелкими шажками, так, будто ее ноги были связаны невидимой нитью. По телу девушки струились яркие одежды, по плечам металась тонкая косичка, а таинственные глубокие глаза не были мрачными, как у Сусанны, в их плескался свет, который не могла погасить даже печальная улыбка.

Молодой человек поспешил навстречу.

— Здравствуйте! — стеснительно произнес он, будто они не виделись четверть часа назад.

Асмик с удивлением огляделась.

— Сколько травы! И цветов! Я думала, здесь все побеждают камни!

Вардан рассмеялся. Не тут-то было! Он принялся рассказывать о цветах, из которых был соткан этот изумительный яркий ковер. Первыми появляются нежные, дрожащие на холодном ветру подснежники, затем склоны холмов покрывают скромные ромашки, после расцветают голубые, как небо, незабудки, желтые лютики и горящие, точно пламя, маки, фиолетовые лилии, прозрачные колокольчики, синие васильки.

Вообще-то, меньше всего юноша думал о цветах; куда больше его интересовали травы, особенно те, что идут на корм скоту, однако он понимал, что эту девушку волнует не полезное, а прекрасное.

— Вы скучаете по Исфахану? — спросил он, еще не решив, как к ней лучше обращаться.

Асмик вспомнила полноводную Зайенде-Руд, «Вечную реку» — источник жизни Исфахана, тысячи домов, мечетей, караван-сараев и базаров, ощущение изобилия и простора и свой уютный мирок, пристанище девичьих грез.

— Да, — печально ответила девушка. — Исфахан был большим, шумным, праздничным миром, а наш квартал — моей маленькой тихой родиной. Я с детства знаю фарси, но дома мы всегда говорили на родном языке.

— Вы бы хотели вернуться в Исфахан?

— Нет, — твердо ответила Асмик и рассказала Вардану о том, что произошло с ее отцом и братьями.

— Так вы остались совсем одни? Вас некому защитить?! — воскликнул юноша. Он был потрясен до глубины души.

— Родственники, которым удалось остаться в живых, бежали в Византию. Но мама не захотела поехать с ними.

— У вас был жених? — спросил Вардан и тут же покраснел от досады. Едва ли стоило задавать этот вопрос девушке, которая потеряла почти все на свете.

— Нет, — сказала Асмик. — Я знаю, что за меня сватались, но я не была помолвлена. В нашей среде к браку относятся очень серьезно.

Услышав про «нашу среду», Вардан нахмурился и заметил:

— Это всегда серьезно, потому что брак заключается на всю жизнь.

Девушка согласно кивнула, и он спросил:

— Вы собираетесь остаться здесь навсегда?

Юноша затрепетал в ожидании ответа. Если б она могла знать, какой вопрос он хотел и не смел задать! Осталась ли у них с матерью хоть какая-то надежда вернуть бывшее положение и богатство или теперь он, Вардан, со своим домом, скотом, садом, виноградниками и полем может считаться завидным женихом для Асмик?

— Не знаю. С мамой сложно говорить о будущем.

Асмик села на траву, подол ее ярких шелковых одежд раскинулся вокруг причудливыми изящными складками. Вардан опустился рядом. Он видел в ее глазах свое отражение: взволнованный юноша с большими карими глазами, темными волнистыми волосами и смуглым лицом. Внезапно он обнял девушку и прижал к себе. Он не удивился бы, если б Асмик вырвалась и убежала, но она лишь судорожно вздрогнула и затихла, прижавшись щекой к его плечу. Запахи пыли, кож и шерсти, каких-то трав вдруг стали привычными для нее, как для него сделался родным аромат изысканных заморских духов.

«Я должен жениться на ней, иначе я сойду с ума», — решил Вардан и впервые подумал о том, что скрывается под нарядными одеждами той, которую он держал в объятиях. О том, как сильно ему хочется освободить Асмик от шелковистого плена и ощутить под руками гладкую, теплую, нежную кожу ее тела, ее шеи, бедер, рук, ног и груди.

Вардана охватил жар, такой невыносимый и властный, что было впору застонать, как от смертельной раны. Не в силах сдержаться он повернул лицо Асмик к себе и поцеловал девушку; при этом юноше вспомнились ощущения, которые он испытывал, когда срывал губами упругие, сочные, нагретые солнцем вишни.

Она испуганно отпрянула.

— Простите меня! — прошептал Вардан, с трудом возвращаясь в реальность. Миг, когда их с Асмик не разделяли никакие условности, показался ему самым прекрасным на свете. Однако он не знал, что подумала об этом она, которая была выше его по рождению, выросла в иных условиях! Наверняка сочла его деревенским грубияном!

— Я не сержусь, — прошептала девушка, но при этом закрыла лицо руками. — Мне... мне страшно.

— Чего вы боитесь? Скажите! Я готов вас защитить! — пылко произнес Вардан.

— Боюсь зимы, боюсь, что мама никогда не станет такой, как прежде.

— Я почию дом и очаг, помогу заготовить дрова, и вы спокойно переживете зиму. Ваша мать... главное, что она не одна, у нее есть вы. Все наладится, вот увидите!

— Вы правда будете нам помогать? — спросила Асмик. Она отняла руки от лица и без смущения посмотрела на юношу. Вардан невольно задался себе вопросом, нравится ли он ей по-настоящему или она всего лишь ищет в нем опору?

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверил он, потому что был безудержно, страстно и беззаветно влюблен, влюблен в девушку, которая была недостижима, как звезда на небе!

Они с Асмик стали встречаться. Поцелуев больше не было; Вардан считал, что без того позволил себе слишком многое. Он приходил каждый день и работал до вечера, а потом они с Асмик шли гулять. Разговаривали о прошлом, о том, что видели вокруг. Однажды девушка спросила юношу, как умер его отец, и Вардан ответил:

— Он погиб в горах во время землетрясения. Не послушался мою мать и пошел на охоту.

— Землетрясение? — встревожилась девушка. — Оно часто случается в этих краях?

— Да, но это всего лишь небольшие толчки. Просто в тот раз в горах осыпались камни и завалили отца, который шел по тропинке.

— А твоя мать? Она что-то чувствовала или знала?

— Она видела плохой сон.

— Накануне гибели моего отца и братьев моя мама тоже видела дурной сон, — вздохнула Асмик. — Недаром говорить: невозможно избежать того, что предопределено.

— Да, я тоже верю в судьбу.

— Остается надеяться, что души наших близких покинули тела в виде белых голубей или лепестков роз, как это обычно происходит с добродетельными людьми.

Они долго шли рядом, погруженные в размышления, наслаждаясь безмолвным, и оттого таким глубоким пониманием друг друга.

Когда работы в доме были завершены, Вардан взялся за изготовление мебели. Он сделал три кровати, шкаф, сундук, столик и стулья и попросил Каринэ соткать ковер.

Та сначала не соглашалась.

— Что я, служанка, чтобы ткать им ковры! Не пора ли девушке самой взяться за иглу и сесть за станок! Да и что такое мой ковер! В Исфахане ей доводилось видеть персидские ковры, сотканые настоящими мастерами.

— Уверен, ты сделаешь не хуже.

Каринэ поджала губы.

— Знаешь ли ты, что о тебе судачат в селении? Ты выставяешь себя на посмешище!

Вардан внимательно посмотрел на мать.

— Потому что я помогаю людям?

Женщина вспылила.

— Всем известно, почему ты это делаешь! Уж не собираешься ли ты посвататься к девушке?!

— Собираюсь.

— И получишь отказ!

— Может быть. И что?

— А то, что таких женихов, как ты, не выкупаживают со двора.

Вечером Каринэ взяла курицу и отправилась на окраину селения, к старой Анахите. Вардан был ее единственным сыном, и ради него женщина была готова нарушить запреты священника и обратиться за помощью к гадалке. Если будущее существует, почему в него нельзя заглянуть?

Женщина рассказала гадалке о тревоге за сына, который забыл обо всем на свете и думает только о знатной девушке из Исфахана, и предположила:

— Может, его околдовали, приворожили?

Анахита усмехнулась.

— Никто не колдовал и не привораживал, Каринэ. Твой сын просто влюбился.

Женщина уронила руки на колени.

— И что мне делать?

— Ничего не делай. Пусть все идет своим чередом.

— Но он собирается посвататься к девушке!

— Пусть сватается. Если твой сын так решил, ты не должна вмешиваться.

— Но он получит отказ!

Анахита бросила кости и кивнула.

— Получит.

— Это сломит Вардана.

— Вардана ничто не сломит, — пробормотала гадалка. Она хмурилась, разглядывая кости с разных сторон, будто стараясь что-то понять.

— Ты не говоришь мне правды, — разочарованно произнесла Каринэ.

— Потому что ты, как и все остальные, пришла за правдой, которую хочешь услышать, — заметила Анахита.

Мать Вардана расправила плечи.

— Я согласна услышать другую, настоящую правду.

— Хорошо. Вардана ничто не сломит. Он останется таким же работающим и разумным. Он женится на девушке, которую хорошо знает, и у него появятся дети. Твой сын будет здоров и ему не придется бедствовать. Он проживет долгую жизнь.

— А эта знатная девушка?

— Она, — гадалка шевельнула кости, — в его сердце, в его судьбе. Они будут связаны крепче, чем ты можешь предположить, но все закончится не так, как мечтает Вардан.

— О нет! — Каринэ всплеснула руками.

— Я не сказала ничего плохого, — заметила Анахита.

— Ты способна ошибаться? — спросила женщина старую гадалку, и та пожала плечами.

— Я? Конечно, ведь я человек.

— Ты можешь сделать так, чтобы Вардан ее разлюбил?

— Не могу. Он никогда ее не разлюбит.

Каринэ отдала Анахите курицу и отправилась домой. Было темно; небо слилось с горами, а горы — с землей. Женщина подняла взгляд на луну и звезды, и ей почудилось, будто она стоит на дне гигантского колодца. Да, такова жизнь! Она тянет человека на дно, тогда как в мечтах он стремится к небесам. Каринэ вздохнула. Вардан желает достать с неба звезду и не стоит винить его за это. Завтра утром она сядет ткать, и пусть ее прекрасный, смелый, наивный сын подарит свой любимой самый изысканный, яркий, нежный и красивый ковер, какой способны сделать руки простой женщины.

Между тем Сусанна, которая, несмотря на горе, отнюдь не была слепой, решила поговорить с дочерью. Они сидели за скромным ужином, обе — в резных деревянных креслах, которые сделал Вардан. Асмик смотрела в окно, на горы и думала о том, что порой недостижимое и высокое вдруг начинает казаться привычным и близким.

— Зачем ты даешь этому юноше надежду? — спросила Сусанна, и девушка растерялась, не зная, что ответить.

— Я... я не делаю ничего плохого, — пробормотала она. — Мы просто разговариваем, гуляем.

— Но для него это означает большее, — заметила мать.

Асмик молчала. Она вспомнила о поцелуе, который Вардан неожиданно сорвал с ее губ. Она так растерялась, что не смогла противиться. Вардан испугался того, что натворил, и больше не решался к ней прикасаться. Да, это было немыслимо, так же как обмен взглядами с тем арабским юношей в Исфахане.

Асмик казалось странным, что она до сих пор вспоминает мусульманина, которого больше никогда не увидит, что не может заставить себя думать о нем с ненавистью или равнодушием. Молодой араб не походил на человека, способного забыть о совести и чести, но он был чужим, был завоевателем, иноверцем, врагом.

Сусанна поднялась из-за стола, медленно прошла по комнате и промолвила:

— Мы обязаны помнить о том, что принадлежим к роду Агбалин. Это наша правда, наш долг, наше единственное оружие. Стоит забыть об истоках — и нам придет конец.

— Что ты имеешь в виду, мама? — спросила Асмик, вглядываясь в бледное лицо Сусанны.

— Ты должна продолжать вести себя так, как вела прежде, когда мы жили в богатом особняке, а не в бедном деревенском доме.

Асмик встала с места, по ее щекам разлился румянец, а голос прозвучал взволнованно и звонко:

— Не ты ли говорила, что былые времена безвозвратно ушли и надо забыть о прежних привычках!

— Я хотела сказать, что теперь нам придется по-другому одеваться, отказаться от украшений, обходиться без помощи слуг. Но наша внутренняя жизнь, наши обычаи и вера должны остаться неприкосновенными.

Асмик вновь подумала о своем первом и единственном поцелуе и покраснела еще больше.

— Ты не понимаешь меня, мама! — прошептала она.

— Понимаю. Ты еще очень молода и не можешь, как я, целыми днями думать о погибших родных, о том, что под крышей твоего дома теперь живут чужие люди. Тебе хочется, чтобы жизнь продолжалась, тебе скучно, ты не знаешь, чем себя занять. Этот юноша был первым, кто протянул тебе руку помощи, вселил надежду в будущее.

— Разве это плохо?

— Хорошо. Только он крестьянин, а мы принадлежим к знатному роду.

— Я не считаю его ниже нас, — упрямо произнесла девушка. — У него есть дом, земля, тогда как мы... Мы одного народа и веры, разве это не главное?

— Я тебе все сказала.

Сусанна села, сняла платок и принялась расчесывать волосы. Прежде, когда Асмик заставляла ее за этим занятием, девушке казалось, что роскошные, черные как ночь волосы матери напоминают потухшее пламя. Подвески на браслетах Сусанны звенели, словно крошечные льдинки. Теперь браслетов не было, и Асмик видела, что мать водит гребнем по привычке, что отныне это не доставляет ей никакого удовольствия. Ее муж, Тигран Агбальян, умер, и больше ей некому было нравиться.

— Ты любила моего отца, когда выходила за него замуж? — спросила девушка.

— Да, — ответила женщина, и в ее глазах блеснул свет. — Мне было всего четырнадцать, когда мой отец сказал, что ко мне сватается завидный жених. Отец не хотел меня неволить, и нас с Тиграном представили друг другу. Он был молод и красив, он смотрел на меня с улыбкой, и его голос показался мне теплым и мягким. Я дала согласие и все время думала о нем, а к тому моменту, как нас обвенчали, уже была без памяти влюблена. — Сусанна протянула руку и нежно погладила дочь по голове. — Не надо спешить. Отныне ты — единственный бриллиант нашего рода, достойный самой лучшей оправы.

Асмик глубоко вздохнула, отгоняя сомнения и страхи. В этот миг ей почудилось, будто мать возложила на ее голову невидимую корону. Сусанна была права: не стоит размениваться по мелочам. Вардан красив, добр и умен, но они не созданы друг для друга.

Глава четвертая

Наступила осень; лес был полон ярких, мерцающих на солнце красок. Тени облаков, пробегающие по холмам, непрерывно меняли неуловимые и нежные оттенки листвы. Примостившиеся на склонах гор маленькие поля отливали червонным золотом набухших зерном коло-сьев, а сады были полны сочных, красных, желтых и зеленых яблок.

Несмотря на страдную пору, Вардан по-прежнему находил возможность видаться с Асмик. Как и следовало ожидать, он не взял с женщин никакой платы за работу и продолжал им помогать.

Как известно, поздняя осень — лучшее время для свадьбы, поэтому молодой человек решил не откладывать важный разговор. Возможно, он обманывает себя и девушка видит в нем только друга?

По воскресеньям Сусанна и ее дочь посещали церковь, но и та, и другая держались особняком и не заговаривали с жителями селения. Приглядевшись к Сусанне, Вардан сделал вывод, что она тверда, как алмаз, и способна выдержать любые испытания, тогда как Асмик хрупка, как хрусталь, и нуждается в защите. Он желал оградить ее от жестокостей жизни, хотел сделать ее счастливой.

Юноша укрепился в своем решении после того, как поговорил с Каринэ. Однажды Вардан спросил у матери:

— Почему Гаянэ больше не приходит в наш дом?

— Потому что, — ответила женщина, — я сказала, что это неприлично. Когда нам понадобится батрачка, мы ее позовем. А еще намекнула, что ты собираешься жениться.

— Ты не будешь против, чтобы я женился на той, которую избрало мое сердце?

— Не буду, — кротко промолвила Каринэ, — главное, чтобы ты был счастлив.

— Я не стану заставлять ее работать. Пусть делает, что хочет или ничего не делает, — заметил Вардан, и женщина согласно кивнула. Каринэ поклялась себе не рассказывать сыну о визите к гадалке и о том, что сказала Анахита.

Узкая тропинка вилась меж одетых золотистым лишайником камней и выгоревшей на солнце травы. Асмик шла впереди, и Вардан мог любоваться гибкой спиной девушки, ее изящной походкой, неповторимой посадкой головы.

«Если Бог позволит мне жениться на ней, я никогда и ни о чем его не попрошу, потому что чаша моей жизни будет до краев наполнена счастьем», — подумал юноша.

Когда они остановились на краю обрыва, Вардан промолвил:

— Возможно, я безумен и дерзок. Наверное, мне нет прощения за мои мечты, но я... я... — И не решился закончить.

Асмик повернулась к нему и посмотрела в глаза.

— Кто же может осуждать и наказывать людей за мечты?

— Если б вы знали, о чем я мечтаю!

— О чем же?

— О вас.

— Обо мне?

Вартану почудилось, что девушка удивилась, и он решился сказать ей правду, решился внезапно, с таким чувством, словно собирался прыгнуть в пропасть.

— Я мечтаю, чтобы вы стали моей женой, мечтаю любить вас всю жизнь, сделать вас счастливой!

Улыбка Асмик была бесхитростной и светлой, и молодой человек почувствовал, как его душа наполняется радостью. Она не возмутилась и не смутилась, она приняла его признание без насмешки, высокомерия или испуга.

— И... что вы намерены делать?

Вардану почудилось, что она произнесла это слишком спокойно, скорее, с любопытством, чем с волнением.

— Просить у госпожи Сусанны вашей руки.

— Мама не согласится, — промолвила Асмик.

— Почему?

Асмик прикусила губу. Ей не хотелось говорить правду.

— Мне кажется, она страшится разлуки со мной. Я — единственное, что у нее осталось.

Сердце Вардана тревожно забилося. В его душе зрела безумная надежда. Если Сусанна увидит, как сильно он любит ее дочь, поймет, насколько он честен, возможно, она передумает.

Он выпрямился и расправил плечи.

— Сегодня я приду в ваш дом и поговорю с вашей матерью.

Асмик опустила ресницы; тонкие пальцы девушки теребили богато украшенный пояс.

— Мама откажет, — повторила она и добавила: — А я никогда не пойду против ее воли.

— Я должен попытаться ее уговорить, — твердо произнес молодой человек.

Он не осмелился спросить, нравится ли он самой девушке и как она относится к мысли об их браке.

Собираясь к Сусанне, Вардан надел вышитую красными нитками рубашку, кожаный жилет, шаровары с обмотками, из-под которых были видны узорчатые носки, украшенный серебром пояс, когда-то купленный в городе отцом за большие деньги, и войлочную шляпу.

Мать смотрела на сына с тайной жалостью, но она ничего не сказала и лишь перекрестила его, когда он выходил за порог. Каринэ вовсе не желала заполучить в невестки изнеженную горожанку; женщина мечтала о простой, здоровой и работающей девушке, а не о загадочной красавице и неисправимой белоручке. Но она молчала, потому что боялась потерять доверие сына.

Сусанна сидела в кресле с таким видом, будто находилась не в бедном, полуразрушенном доме, а в столичном особняке. Ее лицо выражало не гнев, боль или гордость, а нечто более сильное, пугающее своей властью. Юноше чудилось, будто эта женщина способна пригвоздить человека к месту одним лишь небрежно брошенным взглядом. Она не желала признавать свое поражение перед кем бы то ни было, тем более перед тем, кто в ее глазах оставался простолюдином.

— Чего ты хочешь, юноша? — спросила она, хотя ей было известно его имя.

Вардан оробел настолько, что едва сумел вымолвить:

— Я... я хочу жениться на Асмик.

Женщина не удивилась, она всего лишь спросила:

— Знаешь ли ты, какая преграда стоит между вами?

— Мне кажется, — собравшись с силами, заметил Вардан, — любовь не знает преград, как их не знают огонь, вода или ветер.

— Что твоя любовь может дать моей дочери?

— Защиту, верность, заботу! — Голос Вардана срывался от волнения. — Поверьте, я способен прокормить семью. Я готов перечислить все, чем владею, — это не так уж мало! Не беспокойтесь, я не заставлю Асмик работать, ее руки останутся такими же белыми, как сейчас!

Сусанна видела, что молодой человек искренен и прост, но... Женщина вспоминала горделивую грацию Тиграна, глубокий, красивый звук его голоса, вспоминала, как билось ее сердце, когда он смотрел на нее. Их жизнь была полна лихорадочного жара, жара страсти, недаром она родила мужу шестерых красавцев-сыновей и дочь, прекрасную, как сама любовь.

Сусанна не видела в глазах девушки огня, всего лишь растерянность, тоску и робкую надежду. Асмик не любила этого человека, она просто хотела обрести надежный, благополучный мир, неважно, какой ценой.

— Жизнь не обязана давать нам то, чего мы ждем, но мы должны соответствовать тому, для чего предназначены, — загадочно промолвила она и прибавила: — Я не могу согласиться на этот брак.

— Вы не думаете, что это жестоко по отношению к Асмик? — Вардан почувствовал, как теряет почву под ногами, как из сердца уходит надежда, и осмелел. — А если в вашем теперешнем положении вы не найдете для нее подходящего жениха и ваша дочь останется одна?

— Значит, такова ее судьба, — сурово ответила женщина и поднялась, давая понять, что разговор закончен, но Вардан не отступал. Он стоял перед Сусанной отчаявшийся, но гордый, похожий на плененного, но не сломленного воина.

— Что у нее останется?

— Гордость ее рода, сознание того, что она ничего не нарушила, ни через что не переступила, осталась такой, какой ей повелел оставаться Господь.

— Что ж, воля ваша, — Голос Вардана охрип от пережитого унижения — Мне остается пожелать, чтобы судьба Асмик сложилась счастливо.

Он ушел с тайной надеждой на то, что девушка его догонит и они вместе придумают какой-нибудь выход.

Она не догнала. Во время разговора Асмик стояла в соседней комнате и кусала пальцы. Ей было невыносимо жалко Вардана и немного жалко себя, но она понимала, что мать права. Девушка видела в юноше хорошего, честного надежного человека, защитника, опору, но не возлюбленного. Сусанна обладала жизненным опытом, она была умна и смогла уберечь дочь от неожиданного порыва, от неверного шага. Так говорила себе Асмик, не зная, что в человеческой жизни возможны такие повороты и такие порывы, от которых ничто не спасет.

Вардан понял, что девушка согласна с решением матери. Вернувшись домой, он пролежал двое суток, отвернувшись к стене, не разговаривая и не принимая пищи. На третий день он поднялся и занялся привычными делами; не потому, что поддался на уговоры Каринэ, а из-за того, что земля, растения и животные требовали неустанной заботы.

Когда пора уборки урожая осталась позади, Вардан стал уходить в лес. Он блуждал в стороне, противоположной той, в которой обитали Сусанна и ее дочь. Забирался далеко в горы и охотился или просто любовался природой. Молодой человек надеялся, что край яркого солнца и глубоких теней излечит его душу.

Здесь слышалось лишь гудение насекомых, щебетание птиц, да похожий на вздох или шепот шорох в верхушках деревьев. Однажды Вардан обнаружил в дупле дерева пчелиное гнездо и обрадовался: это была ценная находка! Он сделал на стволе дерева две метки, которые означали, что у пчел уже есть хозяин и никто другой не может завладеть медом. Увлеченный своим занятием, юноша не заметил, как к нему приблизился человек, и почти испугался, когда внезапно увидел, что из-за ветвей на него внимательно смотрят два черных глаза.

— Что тебе... — начал он и тут же расслабился, узнав Гаянэ.

— Я не хотела подкрадываться, так получилось, прости, — сказала она.

— Что ты здесь делаешь?

— Собираю целебные травы.

Хотя Гаянэ и впрямь держала в руке корзинку с травами, Вардан заподозрил, что девушка нарочно следила за ним.

— Я и не знал, что ты тоже бродишь по лесу!

— Я делаю это изредка, когда у меня немного работы или когда Манушак чувствует себя лучше.

— Как ее здоровье?

— Она сильно сдала. Не знаю, удастся ли ей пережить зиму.

— Если с ней... что-то случится, ты останешься жить в ее доме?

Гаянэ печально улыбнулась и кивнула. Молодой человек вспомнил, что это был за дом: маленькая глинобитная хижина с соломенной крышей, приют беспросветной бедности. Вардан слышал от матери, что зимой Гаянэ и Манушак варят похлебку из сушеной травы, в которой нет ни капли жира. Чтобы сохранить скудное тепло, они закрывают дыру в потолке хижины и задыхаются от дыма.

— Почему ты больше не приходишь в наш дом?

Гаянэ покраснела.

— Твоя мать сказала, что ты женишься, потому будет лучше, если я...

— Я не женюсь, это неправда, — перебил Вардан и спросил: — А у тебя есть жених?

Это было жестоко, и он знал об этом. Обычно накануне свадьбы гостям торжественно демонстрировали приданое невесты. Что могло быть у нищей сироты, живущей из милости у такой же нищей старухи? Едва ли Гаянэ пожелает взять в жены даже самый последний из бедняков!

— Нет, — прошептала девушка.

Вардан смотрел на нее и размышлял. Узкое лицо, небольшие глаза, тонкие губы, худенькие руки. Бедная одежда, незамысловатая прическа, никаких украшений. Он не находил в Гаянэ ничего привлекательного, но с другой стороны, такая девушка станет ежеминутно благодарить Бога за то, что он даровал ей красивого доброго мужа, достаток, уважение соседей.

— Ты приходила к нам, потому что я тебе нравлюсь? — внезапно спросил он.

Гаянэ сделала шаг назад, будто собираясь убежать, а потом глубоко вздохнула и просто ответила:

— Да. Но больше я не приду.

Потом повернулась и пошла прочь.

Вардан долго смотрел ей вслед, а потому не сразу увидел, что по тропинке движутся люди, а заметив, едва успел спрятаться за стволом дерева. Судя по одежде, это были чужаки, которых он никак не ожидал увидеть в этих краях. Их было человек двадцать; вооруженные кинжалами и саблями, они вели за собой навьюченных лошадей. Сердце молодого человека тревожно забилося. Это были арабы! Страшное воспоминание Асмик и Сусанны внезапно воплотилось в реальность!

Они направлялись в сторону Луйса, туда, куда ушла Гаянэ. Вардан прикусил губу. Что будет, если эти мужчины догонят девушку? Не лучше ли выйти из укрытия?

Он сделал вид, что не собирался прятаться, и спокойно вышел на тропу. Завидев местного жителя, предводитель каравана в расшитом серебром синем кафтане и такого же цвета чалме остановил своих спутников повелительным жестом и обратился к юноше:

— Кто ты такой? Можешь нам помочь? Мы ищем селения... — Он вынул грамоту, развернул и прочитал названия.

Вардан молча выслушал. У незнакомца было смуглое лицо с выразительными темными глазами, лицо, которое могло бы показаться утонченным и красивым тому, кто не был наслышан о коварных и жестоких властителях, принуждавших жителей древней земли Сасанидов[1] принимать чужую веру и преследовавших христиан.

Первым в списке был Луйс, дальше шли названия других, по большей части незнакомых Вардану селений. Молодой человек растерялся. А если он откажется? Его будут пытаться, а потом убьют?

Вероятно, араб догадался о мыслях Вардана, потому что примирительно произнес:

— Не бойся, мы не собираемся никого трогать. Просто перепишем население, узнаем, сколько в нем взрослых мужчин, и установим новый налог.

Вардан лихорадочно размышлял. Если он выведет арабов к селению, возможно, они не заметят жилища Сусанны и Асмик. Если же чужаки сами начнут искать дорогу...

Предводитель каравана не торопил юношу, он напряженно и вместе с тем терпеливо ждал. Внезапно Вардан с удивлением понял, что этот араб, вначале показавшийся ему зрелым мужчиной, старше его на каких-нибудь четыре-пять лет. Просто в отличие от Вардана этот человек изведаль, что такое война, ощутил вкус крови и смерти.

— Идите за мной, — прошептал юноша, — я отведу вас в селение.

Они молча шли по тропинке, а вокруг возвышались нагретые солнцем, окаймленные нетронутыми лесами скалы.

Камран ибн Касир с любопытством оглядывался вокруг. Очутившись в горах, сын пустыни был вынужден признать, что в диковатом пейзаже скрывается глубокая первозданная сила. Горы представляли собой серьезное, порой непреодолимое препятствие, но они заворачивали, пленяли, их было трудно не полюбить.

Камран родился в Багдаде и происходил из знатной семьи. Его отец-араб был высокопоставленным чиновником халифата, а мать — наложницей-персиянкой, потому он получил персидское имя[2]. Юноше с детства не нравился деспотизм отца, из-за которого члены семьи, особенно женщины, чувствовали себя забитыми и униженными. Ничто не могло нарушить слепого жестокосердия, непоколебимого хладнокровия Омара ибн Дауда, его абсолютной веры в себя и свою правоту.

Будучи младшим сыном, который не мог рассчитывать на большую долю в наследстве, Камран решил добиться независимости и попытать счастья на военной службе. Именно в Персии, на родине своей матери, Камран, к тому времени дослужившийся до довольно высокого для своего возраста чина, впервые начал высказывать недовольство политикой халифа в захваченных землях.

Его чувства усилились после истории с семейством Агбалин. Камран мог хладнокровно взирать на кровь и смерть, царившие на поле боя, но его душа и сердце оказались бессильны перед девичьими слезами. После того как Асмик и ее мать уехали из Исфахана, он выяснил, кто они и что с ними произошло, и не стал скрывать возмущения.

Кто-то донес на него, и ослушника призвали к ответу. Камран не подумал отпираться; выслушав молодого человека, его начальник с усмешкой промолвил:

— Разве не военные подвиги позволили тебе возвыситься над другими!

— Сейчас мы не на войне. В мирной жизни не надо совершать бессмысленные зверские злодеяния, нужно попытаться наладить отношения с теми, кто исповедует другую религию, — смело возразил Камран.

— Война за веру во имя Аллаха никогда не закончится, — назидательно произнес начальник и добавил: — Твое вольнодумство и непокорность сослужили тебе плохую службу. Я приму во внимание твои заслуги и знатное происхождение твоего отца и не стану сурово наказывать тебя. А всего лишь отправлю в поход по горным селениям, где живет немало армян. Надо разобраться с налогами. — Он усмехнулся. — Посмотрим, чего ты сможешь добиться мирным путем!

Когда Вардан привел отряд в Луйс, Камран спросил юношу, где можно остановиться.

— Мы не причиним вам вреда, — повторил он. — Напротив, вознаградим за гостеприимство.

Удивленный словами чужеземца, Вардан пожал плечами. Завоевателей не принимают как гостей и от них не ждут благодарности.

Камран прошел по селению и остановил свой выбор на нескольких домах, где разместил своих людей, а сам поселился в доме Вардана. Молодой араб поклонился испуганной Каринэ и вновь произнес, что ни женщине, ни ее сыну не грозит никакая опасность.

В ту ночь Вардан почти не спал. Он думал о том, что завтра воскресный день и Сусанна с Асмик наверняка придут в церковь. Как сделать, чтобы они не попались на глаза арабам?

Гордость мешала ему отправиться в дом Сусанны, и он решил подождать женщин на окраине селения и предупредить о пришествии чужеземцев.

Однако все случилось иначе. Рано утром воины Камрана ибн Касира прошли по домам жителей Луйса и велели всем мужчинам и юношам старше тринадцати лет собраться на площади. Вардану не удалось улизнуть, и он стоял вместе со всеми, изнывая от тревоги за Асмик и Сусанну, которые вот-вот должны были появиться на дороге.

Арабы заканчивали переписывать мужчин и юношей и собирались отпустить их на церковную службу, когда Вардан увидел высокую, прямую фигуру матери Асмик, напоминавшую погасшую черную свечу.

Рука Сусанны, которой она опиралась на руку дочери, напряглась и стала твердой, как железо, а глаза расширились, будто их взору внезапно открылось то, чего невозможно постичь разумом. Арабы! Жестокая судьба достала ее и здесь! Погибшие надежды и страх перед будущим застыли в сердце женщины ледяным сгустком.

Асмик стояла рядом с матерью, оцепенев от страха, утратив ощущение реальности и времени. Казалось, у нее вот-вот подогнутся колени и она лишится чувств. Вардану хотелось броситься к ней, обнять, поддержать и утешить, но он не двигался с места.

Он едва не застонал, когда Камран приблизился к женщинам и произнес какие-то слова. Сусанна вздернула подбородок и что-то резко ответила, потом повернулась и пошла назад, ведя за собой обомлевшую дочь. Вардану захотелось закричать и закрыть лицо руками, потому что заметил, каким пристальным, жадным, жарким взглядом араб проводил Асмик.

Молодой человек не пошел на службу вместе с односельчанами, а отправился домой: ему не хотелось упускать Камрана из виду. Когда наступил полдень и араб, совершив свою странную молитву, собрался выйти за ворота, Вардан взволнованно произнес:

— Прошу, не трогайте этих женщин. Они без того обездолены и несчастны: их лишили всего, что они имели, выгнали из дома, убили их близких!

Камран пристально посмотрел на Вардана. Юноша удивился: взгляд молодого араба был полон внимания и сочувствия.

— Что вы знаете об этом?

В душе Вардана закипел гнев, и он невольно сжал кулаки. Зачем чужеземец спрашивает? Хочет получить ответ, который прозвучит как пощечина?

— Я знаю, что это сделали люди вашей веры и крови. Слуги эмира.

Камран изменился в лице; его глаза стали похожи на угли, а губы задергались.

— В таком случае я принесу им свои извинения, — отрывисто произнес он и вышел из дома.

[1] Сасаниды — династия царей, правивших в Персии до арабского завоевания.

[2] Камран — могущественный, счастливый.

Глава пятая

Легкий ветерок доносил из леса пряные ароматы осени, а многоцветный ковер поздних цветов отливал желтым, оранжевым и алым. Кругом было потрясающе красиво, но погруженные в свои мысли женщины ничего не замечали. Порыв ярости вернул Сусанне часть сил и уничтожил страх, но это ничего не меняло.

— Он сказал, что придет сюда, чтобы поговорить с нами, — промолвила она. — Я велела ему убираться на все четыре стороны, но он не откажется от своей затеи. Я видела его взгляд.

— Ты его узнала?

Мать нахмурилась.

— Нет. Разве мы встречались?

Асмик постаралась не выдать своих чувств. Там, на площади, она едва не упала в обморок, но не от страха, а от изумления перед непредсказуемой волей судьбы, которая привела сюда этого человека. Она не знала, пугаться ей, волноваться или гневаться. Девушка видела, что араб тоже ошеломлен, а еще — страшно обрадован. Неужели он не способен понять, что если прежде их разделяла черта, то теперь она превратилась в пропасть?

— Это тот самый человек, благодаря которому мы смогли взять из дома наши вещи, — сдержанно объяснила Асмик матери. — Тогда он вступился за нас.

— Ты его запомнила? — удивилась Сусанна.

— Да, — ответила девушка, боясь, что мать заметит ее румянец.

— Стало быть, он хочет получить свою долю признательности, — с мрачной усмешкой промолвила женщина.

— Что нам делать? — прошептала Асмик.

— Тебе нужно уйти в горы. Спрятаться, переждать.

— Пойдем вместе!

— Если мы уйдем вместе, арабы бросятся нас искать, потому что подумают, будто мы утаили золото или какие-то важные грамоты. Если ты скроешься одна, я попытаюсь поговорить с ними, убедить оставить нас в покое.

Девушка содрогнулась от возмущения и жалости при мысли о том, что ее гордая мать способна унизиться перед завоевателями ради спасения ее чести.

— Нет, — мужественно произнесла Асмик, — я останусь с тобой. — И нерешительно добавила: — Возможно, среди этих людей встречаются совестливые и благородные? Что плохого случится, если он просто поговорит с нами?

Сусанна едва не задохнулась от возмущения.

— Поговорит? О чем?! Эти чудовища убили твоего отца и братьев, разрушили нашу жизнь! Они не способны испытывать чувства, которые Господь даровал христианам!

Асмик сникла и кротко проговорила, не поднимая глаз:

— Да, мама. Я понимаю.

Сусанна оказалась права: после полудня к ним пожаловал незванный гость. Он пришел один, на нем был красивый кафтан и серебряный пояс, на котором висели узорчатые ножны.

Дочь укрылась в доме, тогда как мать стояла на ступеньках крыльца с гордо поднятой головой. В напряженном молчании Сусанны таились стальная выдержка и негибкая воля.

Камран не разглядел ее в Исфахане, тогда он смотрел только на Асмик. Зато сейчас молодому человеку хватило взгляда, чтобы понять, какой красавицей была эта женщина, когда ее глаза были полны блеска, улыбка — тепла, а движения — живости.

Подойдя к крыльцу, он почтительно поклонился и произнес с истинно восточной учтивостью:

— Рад приветствовать вас еще раз, прекрасная госпожа, да будут благословенны ваши дни!

Лицо женщины исказилось, будто от удара.

— Что вам нужно? — спросила она. В голосе Сусанны не было страха, только леденящее душу презрение.

— С того момента, как я увидел вас, мне не дает покоя вопрос, как столь благородные, изысканные женщины оказались в такой глуши?

— Мы покинули родной город, чтобы укрыться от тех, кто убил моего мужа и моих сыновей, ограбил наш дом и выгнал нас на улицу! Вы смеее являться в наше убежище, думая, что останетесь безнаказанным, но вы ошибаетесь: как за зимой приходит весна, так за злодеяниями следует возмездие! Ваш Бог побуждает вас творить зло, тогда как наш — справедлив и милосерден, но я не перестаю надеяться, что он накажет вас за то, что вы сотворили!

— Мне жаль, что вам пришлось пережить большие несчастья, — сказал Камран, усилием воли принудив себя не обращать внимания на высказывания матери девушки о его Боге. — Их виновником стал не я; скажу больше, я никогда бы не смог совершить ничего подобного. Мне пришлось уехать из Исфахана именно потому, что я был недоволен произволом нашего наместника.

— Что вам нужно? — повторила женщина.

— Я хотел попросить у вас прощения от имени моего народа и спросить, не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь? Я готов помочь вам выбраться отсюда. Мне кажется, вам стоит вернуться в Исфахан. Клянусь, я смогу за вас заступиться.

— Я никогда не прощу арабов, и мне не нужна ваша помощь, — сказала Сусанна и добавила: — Вам должно быть известно, что такие люди, как мы, не принимают подачки от своих врагов!

Молодой араб вновь поклонился и приложил руку к сердцу.

— Отдаю должное вашей смелости и вашей гордости. Я оставлю вас в покое, только разрешите поговорить с вашей дочерью.

— Приличия не позволяют моей дочери разговаривать с посторонними, тем более если этот посторонний — всего лишь жалкий прихвостень того, кто считает себя земным наместником злобного Бога!

Спрятавшаяся в доме Асмик с ужасом внимала словам матери, не понимая, почему чужеземец спокойно выслушивает ее оскорбления. Девушка слышала, что арабы непримиримы в вопросах веры и рабски преданы своему правителю.

Теперь она смогла как следует рассмотреть того, с кем тайком переглядывалась в Исфахане. Речь и манеры выдавали в нем человека, привыкшего к обходительности, доброжелательного и разумного. К тому же (это она заметила раньше) он был красив — утонченной, благородной красотой. Он казался умнее, серьезнее Вардана, хотя едва ли был намного старше.

Когда Сусанна произнесла последнюю фразу, способную вывести из себя кого угодно, Асмик показалось, что в задумчивых темных глазах молодого араба, мрачно опущенных уголках губ таится не гнев, а глубокая досада на несправедливость мира, на самого себя, на несбывшиеся надежды.

Интересно, что он хотел ей сказать? Несмотря на пережитые несчастья, душа девушки оставалась податливой, как глина, восприимчивой к новым впечатлениям. Асмик сама не заметила, как испуг вновь сменили жгучее любопытство и не вполне невинный интерес.

Девушка не вышла из укрытия, и гостю пришлось уйти. Сусанна поднялась на крыльцо и бессильно прислонилась к косяку. Внезапно залитый полуденным солнцем пейзаж вдруг показался тусклым, деревья и горы поплыли перед затуманившимся взором женщины.

— Я сошла с ума, — ее голос дрогнул. — Я хотела тебя защитить, а вместо этого чуть не погубила нас обоих!

— Я горжусь тобой, мама! — прошептала Асмик и обняла Сусанну.

Прошло два дня. Арабы не появлялись; скорее всего, они покинули селение. На третий день, когда мать прилегла отдохнуть, дочь привычке отправилась бродить по окрестностям. Лишившись спутника, Асмик не уходила далеко от дома. Ей было немного жаль, что отношения с Варданом не сложились; она вспоминала их бесхитростные беседы, нежный и робкий взгляд юноши, но всякий раз приходила к выводу, что между ними не могло быть ничего серьезного.

Думала она и про молодого араба, не понимая, зачем судьба позволила ей увидеть его еще раз. Если бы этого не случилось, она продолжала бы жить с мыслью, что он ее враг, а то, что было между ними в Исфахане, всего лишь нелепая ошибка. Теперь же чувства Асмик пришли в полнейший беспорядок; сама не зная почему, девушка втайне досадовала на мать, слова Сусанны казались ей несправедливыми. Этот человек сочувствовал им; не он убил ее отца и братьев, и он не виноват в том, что родился мусульманином.

Между тем Камран был воином, а настоящие воины редко отступают от своей цели, неважно, является ли этой целью крепость, которую нужно взять или женщина, которой хочется овладеть.

Асмик медленно шла по тропинке, любуясь поздними цветами, которые мелькали в выжженной солнцем траве подобно крошечным красным фонарикам, когда Камран вышел из-за огромного валуна и остановился посреди дороги.

Девушка замерла. Она не знала, что делать: закричать или попытаться убежать? Пока Асмик в панике размышляла, араб сделал несколько шагов вперед и сказал:

— Меня зовут Камран. Я пришел, чтобы поговорить с вами. Клянусь, я не дотронусь до вас и пальцем и с вашей головы не упадет ни один волос!

Девушка кивнула, с трудом проглотив застывший в горле комок растерянности и страха.

— Я сочувствую вашему горю, мне известно, что вина моего народа перед вашим неискупима, и все же надеюсь на то, что вы меня выслушаете. Вы не можете представить, как я обрадовался, когда внезапно встретил вас в этом селении, хотя мне больно видеть, что обстоятельства жизни загнали вас в такую глушь! — Он перевел дыхание и продолжил: — Прежде я думал, что война — это война и, пока она продолжается, в душе нет места чувствам, но ошибся и рад своей ошибке. С тех пор как я впервые увидел вас в Исфахане, я не мог думать ни о ком и ни о чем другом. Вам не нужно бояться меня. Я хочу попросить вас лишь об одном: скажите, как вас зовут!

Девушка растерялась, услышав, что он просит о такой малости, и прошептала:

— Асмик.

— Жасмин! — с нежностью повторил Камран на восточный манер и заметил: — К сожалению, я должен ехать. На обратном пути я заеду в селение и скажу вам то, что должен сказать. Я хочу дать вам время подумать.

Девушка решила, что ей стоит быть такой же мужественной и смелой, как мать, и, собравшись с духом, ответила:

— Вы можете сказать то, что хотите, сейчас или после — это ничего не изменит. Мне не о чем думать. Вы — мой враг и останетесь им навсегда.

Камран улыбнулся.

— Вы повторяете чужие слова, а ваши глаза говорят другое, то же самое, что они говорили в Исфахане. Вы не ненавидите меня, вы просто меня не знаете. И не стоит лгать, что вы не хотите меня узнать.

— Что вам нужно? — прошептала Асмик.

— Я не желаю терять вас из виду. Хочу, чтобы вы попытались посмотреть на меня иначе, — сказал Камран. — Не как на врага, а как на друга.

— Моя мать никогда этого не допустит, — выдавила девушка.

— Она может запретить вам встречаться или разговаривать со мной, но ваша мать не в силах помешать вам чувствовать то, что вы чувствуете.

Асмик отшатнулась.

— Откуда вы можете знать, что я чувствую?! Чувствую, после того, как...

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — перебил Камран. — Просто мне кажется, в отличие от вашей матери, вы не утратили желания жить дальше и радоваться тому, что живете.

Молодой человек сделал шаг вперед и вопреки своим обещаниям дотронулся до руки девушки.

Прикосновение получилось коротким, обжигающим и отчаянным. Асмик вырвала руку. Она никогда не думала, что кожа мужчины может быть такой гладкой, мягкой и горячей.

— Помните, — промолвил Камран, прежде чем отступить и скрыться из виду, — я вернусь!

Асмик ничего не сказала Сусанне об этой встрече. Она знала, что мать никогда ее не поймет.

Девушка вспоминала Камрана, его мягкую настойчивость, проникновенный звук его голоса и таинственное мерцание темных глаз. Она понимала, что он собирался сказать. Он хотел признаться, что влюбился в нее с первого взгляда, и просил ее дать ему хотя бы искру надежды.

Асмик понимала, что это бессмысленно. У них разная вера, и ее матери будет проще убить ее, чем узнать, что она способна думать об арабе как о влюбленном мужчине, о человеке, который способен не обидеть, а защитить.

Прошло довольно много времени, прежде чем девушка решилась признаться самой себе в немислимом: ей нравился Камран, и по большому счету ей было все равно, кто он и кому он молится.

Однажды Асмик в сердцах сказала матери:

— Почему мы не уехали в Византию, в Константинополь? Мне кажется, дядя Григор был прав, когда убеждал нас последовать за ним.

— Потому что тогда бы нам пришлось жить на чужбине, на положении бедных родственников.

— Неужели здесь ты не чувствуешь себя изгнанницей?! В Византии мы бы жили среди людей нашего круга! Ты смотришь на жителей Луйса, как на своих слуг, но они не наши слуги и не станут подчиняться твоим приказам. Нам удастся пережить зиму только благодаря Вардану. А ведь он даже не взял с нас денег! Придет время, и тебе придется вымаливать милость людей, которых ты презираешь.

Это прозвучало жестоко, но Асмик хотелось высказаться.

— Теперь уже поздно что-то менять. И я не считаю свое решение ошибкой, — ответила Сусанна и отвернулась. Девушке почудилось, что во взоре матери промелькнула досада.

Это придало Асмик смелости, и она добавила:

— Ты потеряла последнее, что могла бы сохранить, завлекла нас в глушь и все из-за глупой гордости!

Сусанна развернулась и ударила дочь по лицу. Звук пощечины прозвучал как удар грома.

— Гордость не может быть глупой, она — главное, что стоит сберечь, особенно в такие времена, — твердо произнесла женщина. — Ты хочешь знать, почему я не уехала в Константинополь вместе с Григором? Потому что все оставшиеся в живых представители нашей семьи бросились бежать с насиженного места как последние трусы. Никто из них не взялся за оружие, не попытался отомстить! Когда-то арабы выгнали нас из родной страны, а теперь прогоняют из Персии, где мы прожили много лет! Я была совсем мала, когда мы приехали в Исфахан, и я полюбила этот город как никакой другой на земле!

Асмик замерла, приложив ладонь к щеке. Она смотрела на мать во все глаза. Ее никогда никто не бил, никто не повышал на нее голос, ее всегда любили и баловали. По лицу девушки потекли неудержимые слезы. Она тоже любила Исфахан, она родилась в нем уже при арабах, и смешение обычаев и религий, царившие в городе, казалось ей не более чем полным особым смыслом и чарующей красоты переплетением узоров в драгоценном персидском ковре.

Асмик повернулась и вышла в другую комнату. Сусанна не последовала за ней. Впервые между матерью и дочерью выросла стена непонимания. Каждая осталась наедине со своей душевной болью.

Когда мусульмане покинули селение, Вардан поборол гордость и решил встретиться с Асмик. Он нашел девушку на ее излюбленной тропинке, и ему показалось, что она рада его видеть. Ее глаза больше не выглядели печальными и испуганными; вместо этого в них появились затаенная мечтательность и трогательная нежность. Она была так красива, что у него защемило сердце.

Юноша сообщил девушке о том, что арабы ушли, не причинив никому вреда. Они только переписали взрослое население Луйса, сказав, что отныне налог платит не сельская община, а каждый житель мужского пола, начиная с тринадцати лет.

— Они приходили к нам, — сказала Асмик, — вернее, один человек, тот, кто был у них главным.

— Знаю, — сдержанно произнес Вардан. — Он останавливался в нашем доме.

Девушка вскинула удивленный взор.

— Правда? И каким он тебе казался?

Молодой человек пожал плечами.

— Таким, как и все они. Непонятным, чужим.

— Но не жестоким?

— Думаю, не каждый из них способен на бессмысленную жестокость! Мы дали ему постель, кормили и поили, зачем ему нас обижать? — сказал Вардан и спросил: — Вы сильно испугались?

— Не очень, — уклончиво произнесла девушка.

— Наверное, я был должен сразу пойти к вам, попытаться вас защитить, сделать так, чтобы этот человек не смог приблизиться к вашему дому.

— С нами не случилось ничего плохого, — сказала Асмик и добавила: — Я знаю, как ты относишься к нам, Вардан, я благодарна за то, что ты сделал для нас.

Решив, что настал подходящий момент, юноша осторожно промолвил:

— Вы слышали, как я говорил с вашей матерью, когда просил вашей руки?

— Да.

— Она сочла, что я недостойн вашей любви, но разве сердце каждого из нас не создал один и тот же Бог? Разве знатные и незнатные люди отличаются способностью чувствовать! Не кажется ли вам, что можно придумать какой-то выход, убедить вашу матушку передумать? — пылко произнес юноша.

Вардан понял, что ответит девушка еще до того, как она заговорила. Прозрение обрушилось на него подобно удару, когда он увидел, что на лице Асмик не дрогнула ни одна черточка.

— Едва ли я когда-нибудь выйду замуж, — медленно произнесла она. — Ты достойный человек, Вардан, но судьба складывается так, что я должна остаться с матерью. Она была неправа, когда говорила с тобой свысока, но я и сама не хочу выходить замуж. Ни за тебя, ни за кого-то другого. Давай останемся просто друзьями.

— Друзьями? — глухо повторил юноша и добавил с горькой иронией: — Что ж... Если вам так угодно... я вынужден подчиниться.

Вардану казалось, что он никогда не сможет простить девушке ее равнодушие, ее слепоты. Асмик отвергла его с холодным сердцем, как отложила бы в сторону негодную вещь.

Она не знала, как сильно может ранить его душу такая «дружба», отношения без надежды на истинное сближение, на совместную жизнь!

Коротко попрощавшись, Вардан повернулся и пошел прочь. Сначала он не понимал, почему он не видит дороги, и только потом заметил, что глаза застилают слезы. Молодому человеку чудилось, будто там, где всего лишь минуту назад билось горячее сердце, образовалась щемящая пустота.

Дома Вардан был молчалив и несобран; глядя на сына, Каринэ чувствовала, как душу пронзает боль.

— Ты слышал о смерти Манушак? — улучив момент, спросила мать, желая отвлечь юношу от горьких мыслей. Она поставила перед ним стакан с виноградным вином и тарелку с мясом, приправленным душистыми и острыми травами.

— Нет, — равнодушно произнес сын, глядя прямо перед собой и не притрагиваясь к еде.

— Это случилось несколько дней назад. Гаянэ осталась совсем одна.

Вардан взял вино и залпом выпил, хотя прежде всегда вкушал благодатную влагу медленно, наслаждаясь ее терпким ароматом и солнечным вкусом.

— Что она будет делать?

Каринэ пожала плечами.

— То же, что и раньше: наймется в батрачки. Она неплохая девушка, только уж очень бедная.

Вардан усмехнулся. Он — неровня Асмик, а Гаянэ — неровня ему. Почему жизнь так сложна и нелепа?

Незаметно пришла поздняя осень. Обнаженные горы тонули в нежной опаловой дымке. Ослепительно-белые и пронзительно-черные птицы кружили в прозрачной вышине неба.

Незаметно для себя Сусанна и Асмик стали меньше разговаривать. Женщина по-прежнему жила воспоминаниями, а ее дочь пребывала наедине со своими мечтами. Вспоминая разговор с Камраном, Асмик думала о том, что иные слова похожи на теплый дождь, пробуждающий застывшую землю, и удивлялась, как иногда мало надо человеку для того, чтобы познать истину своего собственного сердца и какой жестокой может оказаться эта истина.

Прошло больше месяца. Асмик медленно шла по любимой тропинке, любуясь пейзажем. Было очень тихо, и потому девушка невольно замерла, услышав, как кто-то зовет ее по имени. Вардан? Нет, это был не он. Юноша давно перестал искать встреч с той, что отвергла его любовь.

— Жасмин! — вновь послышалось невдалеке. — Жасмин!

Сердце гулко забилося, и Асмик поспешила на зов. Она почувствовала, что задыхается от преступной и глупой надежды. Так ее мог называть только один человек.

«Помните, я вернусь!» — сказал Камран, и она бессознательно верила в это.

Он стоял в самом начале тропинки, там, где начинался поворот к дому, где жила Асмик. Увидев девушку, молодой человек протянул руки, но потом опустил и просто смотрел на нее. В его глазах полыхала жгучая радость и угадывался тайный вызов.

Камран выглядел усталым, серебряное шитье на его кафтане потускнело, вместо чалмы на голове была войлочная шляпа. Внезапно он снял ее, бросил на землю и сказал:

— Все это время я жил надеждой на то, что это мгновение наступит, что вы придете ко мне по этой тропинке, придете на мой зов, и в ваших глазах больше не будет страха.

— Я по-прежнему боюсь, — призналась девушка, — ибо я не должна делать то, что делаю.

Он покачал головой, взял руку Асмик и прижал к своим губам. Сердце, душу, тело девушки пронзили чувства, которых она ранее не испытывала. Ее будто ударила молния, а потом что-то внутри обнажилось, сделалось уязвимым. Асмик быстро выдернула пальцы и смущенно потупилась.

Камран сказал:

— Мои люди устали. Мне стоило большого труда уговорить их вернуться обратно этим путем: проводники предлагали более короткий и менее трудный. Я сделал это для того, чтобы увидеть вас. Я не могу задерживаться, мне нужно идти дальше, возвращаться в Исфахан.

— Ваше желание исполнилось, вы меня увидели, — промолвила Асмик.

Он мотнул головой.

— Мне мало этого! Я хочу забрать вас с собой.

Девушка сделала шаг назад, и ее сердце сжалось от боли. За то время, пока ее сердце согревали мечты, а уста были скреплены тайной, ее чувства обострились и окрепли. Она поняла это только сейчас.

— Вы знаете, что это невозможно.

— Почему? У меня еще нет ни жены, ни детей. Как только вы примете мою веру, мы сможем вступить в брак. Я много думал об этом, пока ездил по горам. Я понял, что это судьба: я никогда не смогу забыть вас. Мы должны уехать вместе сейчас: боюсь, другой возможности не будет.

Глаза Асмик потемнели.

— Я никогда не предам своего Бога!

— В данном случае это всего лишь уступка обстоятельствам. Это нужно для того, чтобы мы могли пожениться. Поверьте, я не заставлю вас ходить в мечеть и молиться Аллаху. Все, что мне нужно, — это ваша любовь.

— Я не могу дать вам ее, не могу! — с тоской проговорила девушка.

— Почему? — тяжело произнес Камран.

— Потому что моя мать сойдет с ума, если я это сделаю. К тому же я вас совсем не знаю, а вы не знаете меня.

— Я знаю то, что знаете и вы: мы созданы друг для друга. Жизнь мертва без любви, как земля без воды. Я не смогу увезти вас силой, я не способен причинить вам зло. Но если вы откажетесь уехать со мной, мое сердце будет разбито.

Асмик ничего не понимала. Так не бывает! Таким разговорам предшествуют долгие ухаживания, переговоры с родителями, сватовство. Она не могла предать свою веру, оставить мать!

Прежде Асмик не ведала, что значит одновременно испытывать противоположные чувства, а между тем Сусанна завещала ей ненавидеть, тогда как сердце велело любить.

— Моя мать не переживет, если я уеду.

— У вас должна быть своя жизнь. Если мы поженимся, вашей матери придется смириться. Она простит вас, когда поймет, что я честен с вами, что мы любим друг друга.

— Почему вы решили, что я вас люблю? — прошептала Асмик.

Камран улыбнулся, вспомнив о том, как она шла ему навстречу быстрым, взволнованным шагом. У нее было такое изумленное, радостное выражение лица, будто она вот-вот взмоет ввысь и полетит по небу.

— Это сказали ваши удивительные глаза.

Порыв холодного ветра подхватил охапку сухих листьев и закружил в воздухе. Ни Асмик, ни Камран, всю жизнь прожившие в теплых, даже жарких краях, не знали, как наступает зима в этих суровых горах: врывается в мир и заполняет все вокруг резким ветром, хлопьями снега. Покрывает вершины и склоны гор ослепительно-белым ковром.

Асмик задрожала в своей легкой одежде, и молодой араб обнял девушку, желая заслонить от ледяного дыхания поздней осени. Она подняла голову, и ее губы встретились с губами Камрана. Этот затуманивший разум, лишивший воли и сил поцелуй решил все. Молодой человек подхватил девушку на руки и понес по тропе, прочь от дома, который служил приютом двум одиноким женщинам.

Когда с гор подул ледяной ветер, Сусанна попросила служанку поискать Асмик. Хуриг знала, где обычно гуляет девушка; она направилась туда, прихватив теплую накидку. То, что увидела женщина, повергло ее в ужас. Чужой мужчина, судя по всему мусульманин, усаживал Асмик в седло. Он набросил ей на плечи свой кафтан и дал в руки поводья. Хуриг закричала, но ветер отнес звук ее голоса в сторону. Вскоре девушка и ее спутник скрылись из виду.

Служанка бросилась обратно, рассказала обо всем госпоже, и Сусанна поспешила в селение. Она обратилась к мужчинам, умоляя их помочь вернуть Асмик, но те прятали глаза и пожимали плечами. Жители Луйса знали: стоит затронуть арабов, как те станут мучить людей, жечь их дома и грабить имущество. Убитой горем женщине пришлось вернуться обратно.

Между тем по селению поползли слухи. Украли ли девушку или она сама сбежала от матери, которую многие считали сумасшедшей? Вездесущие ребятишки видели чужеземцев, которые ехали верхом по тропинке прочь от селения. В седле одного из них сидела девушка. Она не была связана и не сопротивлялась.

Вардан не верил слухам, ибо ему было известно, сколь иступленно Асмик и ее мать ненавидели арабов, как сильно женщины были привязаны друг к другу. Юноша едва не бросился вслед за арабами, но Каринэ на коленях упростила единственного сына не совершать неразумный поступок. Что сможет сделать он один против отряда вооруженных воинов? Оставалось лишь ждать развязки и надеяться на чудо, однако Вардан боялся, что никогда не узнает правды о судьбе Асмик.

Глава шестая

Камран усадил Асмик в седло и обнял ее за талию. В его крепком, мускулистом теле чувствовались надежность и сила, его уверенный голос успокаивал и внушал надежду. Девушка впервые почувствовала, как приятно бывает покоряться мужчине.

Прошло несколько часов. Мир застыл в совершенной и вместе с тем угрожающей неподвижности. Солнце клонилось к западу. Холмы и горы рассекали глубокие и длинные тени. Зубчатые грани далеких хребтов резко выделялись на фоне светло-зеленого неба, тогда как ближайшие возвышенности лежали мягкими выпуклыми складками.

— Скоро стемнеет, — сказал Камран. — Придется сделать привал.

Асмик тяжело вздохнула. Она хотела провести жизнь в объятиях этого молодого человека и вместе с тем все острее ощущала, что совершила непростительную ошибку. Девушка ловила мужские взгляды, и ее лицо начинало гореть; она стыдливо опускала глаза при мысли о том, что эти люди могут посчитать ее легкомысленной и бесстыдной.

У Асмик не хватало сил попросить Камрана повернуть обратно, и она продолжала покачиваться в седле, с деланным равнодушием глядя вдаль, на окутанные вечерними облаками горы. Красный шар солнца медленно уходил за горизонт. Яркие краски неба начали угасать, сменяясь синеватыми, сиреневыми и серыми.

Камран приказал разбить палатки и развести костер. Он вынул припасы, но Асмик не смогла ничего съесть. Она предпочла удалиться в одну из палаток, дабы побыть наедине со своими мыслями.

Асмик легла на кошму, завернулась в меховое покрывало и попыталась утешиться, думая о том, что вскоре пошлет матери весточку. Однако она знала: весть о ее судьбе станет для Сусанны смертельным ударом.

Девушка еще не спала, когда Камран приподнял полог, забрался в палатку и опустился на одно колено.

— Ветер меняется, — сказал он. — Завтра утром, а то и ночью пойдет снег.

Он посмотрел на Асмик горящими глазами, а потом осторожно коснулся ее щеки. Его пальцы были холодными и твердыми.

— Ты замерз? — спросила девушка.

— Да, немного.

Она попыталась улыбнуться.

— А мне тепло!

— Буду благодарен, если ты позволишь мне лечь под мех, — сказал Камран, при этом его голос странно дрогнул. — Лишней палатки нет, и мне придется или всю ночь просидеть снаружи, или...

Асмик несмело кивнула. Не все ли равно, что подумают другие мужчины, если она уже переступила все немыслимые границы!

Она надеялась, что молодой человек не разденется, и он действительно не снял одежды. Камран лег рядом и нежно промолвил:

— Повтори, как звали твоего отца.

— Тигран, — ответила Асмик и наивно призналась: — Я назову этим именем своего первенца. — Потом тяжело вздохнула и прошептала: — Иногда я забываю о том, что случилось с моими родными, а ведь это произошло совсем недавно!

Камран немного помолчал, а потом серьезно сказал:

— Ты не можешь представить, Жасмин, как я тебя люблю, как я благодарен тебе за то, что ты согласилась уехать со мной!

Неожиданно девушка разрыдалась.

— Я сошла с ума, и мне нет прощения, — повторяла она сквозь слезы, а после взмолилась: — Я должна вернуться обратно! Моя мать не находит себе места, она может умереть от горя. Я — единственное, что у нее осталось.

Камран осторожно обнял Асмик и принялся гладить ее волосы.

— Не разрывай мое сердце, Жасмин! Куда ты пойдешь? Сейчас ночь, вот-вот пойдет снег и перевал закроется. Ты сделала то, что сделала, потому что втайне желала именно этого. Не бойся, я не стану увозить тебя в Багдад, мы будем жить в Исфахане. Твоя мать — сильная женщина, она справится с тем, что случилось. Я возьму вину на себя: упаду перед ней на колени и скажу, что украл тебя, заставил уехать. Лишь бы ты себя не казнила, лишь бы не отказывалась от моей любви!

Асмик продолжала плакать, а Камран покрывал ее лицо неистовыми, горячими поцелуями и повторял все нежные слова, какие только знал.

— Какое счастье, — прошептал он, обнимая девушку, — пройдет немного времени, и я смогу назвать тебя своей женой!

Асмик не сразу поняла, где оказались его руки и что он делает, а поняв, испугалась, но лишь на мгновение, потому что это было невыносимо приятно и так кружило ей голову, что она едва не теряла сознание.

— Ты горяча, как огонь, а лепестки твоего цветка полны росы! — восхищенно произнес Камран.

Асмик не понимала, о чем он говорит, но звук его голоса был не менее сладок, чем жаркие губы, которые прижимались к ее губам. Она хотела оттолкнуть его, но не смогла, ослабленная недавней истерикой, опьяненная его прикосновениями и словами.

Камран стянул с девушки шелковые шаровары и рубашку (она так внезапно убежала из дома, что не успела надеть что-то более подходящее для путешествия по горам). Асмик закрыла глаза и не видела, когда он освободился от своей одежды: было жутко стыдно и одновременно безумно прекрасно лежать под теплым и мягким мехом совершенно голой, прижимаясь к горячему, сильному телу мужчины, которого любишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.